

Барзано прислушивался к воплям Алмерза Чанды, эхом разносившимся по всему тюремному этажу, надеясь, что это не шутка, что он орет не между глотками ароматного кофе — его и правда жестоко пытаются. Сейчас для инквизитора не имело значения, что ксенос пытал человеческое существо: нарушив клятву верности Императору, Чанда утратил всякое право на сочувствие.

У инквизитора не было ясного представления о том, сколько времени он провел в этой камере, поскольку он некоторое время был без сознания, — рана в плече оказалась очень тяжелой. Но самым страшным было даже не это — Барзано ничего не знал о судьбе губернатора Шонаи. Очнувшись в камере, он первым делом выяснил, что обезоружен, — у него не осталось даже иглометателя, скрытого в кольце на правом указательном пальце. Странно, что при всем при том его обожженное лазером плечо было заботливо перебинтовано.

Когда глаза привыкли к темноте, Барзано огляделся по сторонам и чуть не вскрикнул — он сам не знал, от радости или досады: губернатор Павониса Микола Шонаи тоже была здесь. И она была жива. Даже ее сломанный нос был выправлен (видимо, все же долго Арио Барзано не приходил в себя). Инквизитор подумал: «Эльдар не желает работать с поврежденными объектами. Эстет, задери его...»

Тюрьма, где их заперли, была подземной, каменные своды поддерживали стальные балки. В каждой камере имелась простая железная койка и умывальник с унитазом — эта тюрьма показалась инквизитору куда более комфортабельной, чем многие из тех, куда ему доводилось бросать предателей.

Лортуэн Перджед и его клерки томились в камере напротив, и Барзано сквозь решетку двери был рад видеть, что никто из них серьезно не пострадал.

Барзано делил камеру с Миколой Шонаи, забившейся в самый угол с застывшей гримасой ярости на лице, и Дженной Шарбен, которая лежала на койке без сознания. Ее рана почему-то не была обработана, видимо, эльдар не планировал использовать ее тело для своих жутких экспериментов. Арбитр была ранена в живот, и, хотя лазерный луч прижег края раны, Барзано подозревал, что у девушки могло быть внутреннее кровотечение. Она так и не пришла в сознание после ранения на посадочной площадке, и Барзано понимал, что без медицинской помощи она вот-вот умрет. Наверное, поэтому Хирург обошел ее своим вниманием.

Губернатор пришла в себя вскоре после инквизитора и с неизвестно откуда взявшимися силами бросилась на дверь камеры, пиная ее ногами и выкрикивая ругательства, от которых покраснел бы и портовый грузчик.

Барзано оттащил безумевшую женщину в сторону, успокаивая сумбурными обещаниями освободить и отомстить. Он, правда, с трудом представлял, как будет выполнять эти обещания, но чувствовал, что, — несмотря на всю тяжесть их положения, еще не все потеряно.

Вернувшись к койке, он вытер рукавом лоб Дженны. Лоб был холодный, а кожа серой, как у трупа.

— Я обещаю: ты не умрешь, арбитр Шарбен, — прошептал Барзано.

— Вы уже наобещали с три короба, инквизитор, — устало промолвила Шонаи.

— Микола, я никогда не обещаю того, чего не могу исполнить, — заверил Барзано и положил руку на сердце. — Я обещаю.

Этот жест получился у инквизитора столь трогательным, что Микола Шонаи улыбнулась:

— Вы в самом деле думаете, что мы можем отсюда выбраться? Здесь по меньшей мере три полка солдат. Около двухсот только на этом этаже, и лишь Императору известно, сколько их еще рыщет по дворцу.

Барзано подмигнул:

— Не забывайте о трех Космических Десантниках.

— Я не забыла, но, боюсь, сержант Леаркус и его люди мертвы...

— А я в этом серьезно сомневаюсь, дорогая Микола. Уверен, что де Валтос уже продемонстрировал бы их нам, если б оно так и было. И еще я знаю, что сержант Леаркус не из тех, кого легко убить, и он наверняка нашел способ связаться с крейсером «Горе побежденному».

— Вы думаете, капитан Вентрис попытается нас спасти?

— Уверен, что даже демоны варпа его не остановят.

— Попытаться вытащить нас — это равносильно самоубийству.

— Возможно, — согласился Барзано, — но неужели вы думаете, что страх смерти остановит Уриэля?

— Уверен, что даже демоны варпа его не остановят.

— Попытаться вытащить нас — это равносильно самоубийству.

— Возможно, — согласился Барзано, — но неужели вы думаете, что страх смерти остановит Уриэля?

— Нет, полагаю, нет, — сказала Микола, прислоняясь спиной к каменной стене камеры. Она закрыла глаза и замолчала, Барзано уже подумал, что она уснула. Но тут, не открывая глаз, губернатор добавила: — Этот корабль, за которым, как вы считаете, охотится де Валтос... Он и правду может до него добраться?

— Моему Ордену известно лишь, что представитель древней расы существ, которых мы знаем как К'таны, погрузился в стазис где-то в этом секторе, но где точно — данных нет. Мы думаем, что Смерть Миров был некогда его — за неимением другого термина — флагманским кораблем. Из глубины веков до нас дошли древние записи и намеки на корабль и его хозяина, разбросанные в истории, но мы до сих пор почти ничего о нем не знаем. Все это события времен еще до господства человечества, так что не многое известно наверняка.

— Этот... К'тан, на кого он похож?

— Никто не может сказать точно. Он, возможно, пребывает в состоянии покоя миллионы лет, записи об этом пока не расшифрованы. Я внимательно изучал каждый отрывок, имеющий отношение к Несущему Ночь, до которого смог добраться, но почти ничего о нем не знаю, кроме...

— И что же это? — нерешительно спросила Микола.

— Несущий Ночь — воплощение смерти. Его сны — источник кошмаров каждой расы, они становятся олицетворением их гибели. Все мысли о смерти и скоротечности жизни, которые когда-либо вас посещали, идут от этого существа. Перемещаясь среди звездных миров в прошлые эры, он оставил это наследие в коллективном разуме каждой расы галактики.

— И мы, люди, сможем одолеть такое существо?

— Хотите знать правду?

— Конечно.

Дождавшись, пока затихнет эхо очередного вопля Алмерза Чанды, Барзано ответил.

— Нет, — тихо и печально произнес он. — Не думаю, что мы это можем.

Величественный крейсер «Горе побежденному» медленно разворачивал свой массивный корпус в направлении к поверхности Павониса, и одновременно с этим в передних линейных ускорителях крейсера копилась могучая энергия. Мало кому известно, какой чудовищной разрушительной властью обладает капитан звездного корабля, — силой, позволяющей

сравнивать с землей города и раскалывать на части континенты. Хотя капитаны Имперского флота всегда важничали и хвалились способностями своих неповоротливых боевых судов, никто из них не мог состязаться с ударным крейсером Космических Десантников в скорости и эффективности уничтожения чего бы то ни было.

Лазеры системы планетарной обороны время от времени стреляли по крейсеру из глубоких бронированных бункеров, окопавшихся вокруг Врат Брэндона, но ни одно из могучих орудий не могло причинить крейсеру сколько-нибудь существенного вреда. Хотя мощные лучи, исходящие с поверхности Павониса, пронзали небо, неся колоссальную энергию, вся эта пальба оказывалась пустым фейерверком: орудия внизу бессильны против крейсера, пока он находится на орбите.

Однако даже небольшие батареи противовоздушной обороны становились смертельно опасными для космического корабля, стоило ему приблизиться к столице планеты на расстояние пятнадцати километров. Дело в том, что все батареи были укомплектованы сервиторами, напрямую связанными с орудиями. Сервиторы же в свою очередь управлялись напрямую из бункера командного пункта обороны, скрытого где-то в основании дворца. А одновременный удар сразу нескольких, пусть даже маломощных пушек — это уже серьезно.

Пока батареи прикрывали город, любая атака с воздуха была обречена на провал.

Казимир де Валтос потер переносицу и произнес, глядя на экран комmlinkа перед собой:

— Ласко, если ты не дашь прямого ответа, я похороню тебя в одной из твоих драгоценных шахт. А теперь ответь односложно: ты уже пробил дверь? Я не могу терять время на пустые разговоры.

Мерцающее на мониторе лицо начальника шахты Джекоба Ласко казалось хитрым, даже несмотря на сильные искажения закодированного сигнала из Тембра Ридж, находящегося почти в сотне километров от дворца.

— Ну, последний резак пробил дверь, но мы никак ее не сдвинем.

— И Почему же? — давил на него де Валтос, наклонившись вперед с хищным выражением на лице.

— Мы не пойдем, мой лорд. Техножрецы говорят, что плотность материала этой двери значительно превышает все известные нам. Мы были вынуждены разобрать одну из наших самых тяжелых буровых установок и по частям протаскивать ее через главный ствол шахты. Сейчас техножрецы налаживают последние компоненты установки, и, как только они благословят ее, мы будем готовы начать.

— Когда? — прошипел де Валтос. Теперь он тер лоб.

— Полагаю, сегодня. Но несколько позже.

— Лучше бы это было сегодня, но несколько раньше, — произнес де Валтос и, прервав связь, откинулся в прогибающемся под его телом кожаном кресле бывшего губернатора.

Помассировав виски, он глотнул воздуха и отхаркнул на пол черный сгусток. Боль становилась сильнее, но что делать — кабинет и оборудование Хирурга были уничтожены Ультрамаринами. Больше не будет возможности разобрать тело до костей и вновь собрать его во временно оздоровленном виде. Ему нужно добиться успеха, и как можно скорей. Если этот проклятый глупец Ласко не сможет пробиться в подземный мавзолей в ближайшее время, то де Валтос подойдет. Согрела лишь одна мысль: как только он окажется внутри мавзолея, он познает двойную радость — радость мести и бессмертия.

Он вспомнил день, когда узнал о К'тане из свитков Кортесвейна. С тех пор большая часть состояния де Валтоса ушла на поиски места его упокоения, но ирония судьбы заключалась в том, что мавзолей находился рядом, под горами Павониса. Находился с тех времен, когда планета была всего лишь необитаемым, безжизненным скалистым шаром. Де Валтос злорадно захихикал, осознав, что вскоре он пройдет по залам бога! Не по жалким, полным пыли коридорам Терры — родины разлагающегося трупа, выдающего себя за бога, а живого, дышащего существа, обладающего мощью созидания и вечной жизни.

Когда Император в последний раз ходил среди своих людей? Десять тысяч лет назад! Где был Император, когда отступник кардинал Бучарис втягивал по полгалактики в войну во имя Его? Где был Император, когда тираниды уничтожали мир за миром?

Где был Император, когда эльдар взял на бордаж его корабль и запытал де Валтоса почти до смерти? Где он был тогда?!

Де Валтос ощутил, как нарастает в нем ярость, и взял себя в руки, лишь когда из его ладоней закапала кровь — там, куда вонзились искусственные ногти. Он вытер кровь и провел пятерней по взмокшим от пота волосам, успокаивая дыхание.

Поднявшись с кресла, он принялся расхаживать по заваленной мусором комнате, перешагивая через разбитый стол, поломанные стулья и горы осыпавшейся штукатурки. Его нога ударила по чему-то твердому, и он посмотрел вниз.

Он мерзко захихикал, поднял треснувший бюст из белого мрамора — и ударил кулаком по суровому лицу Форлануса Шонаи. Патрицианские черты старика покрылись кровью.

Город внизу был затянут пеленой черного дыма; из очагов сопротивления, где какие-то дураки все еще боролись с неизбежным, доносились глухие разрывы. Его танки и войска заняли все улицы. Все эти люди умрут — но это малая цена за то, что он неминуемо станет богом.

Казимир де Валтос похлопал по мраморной голове Форлануса Шонаи и, улыбнувшись,

зашвырнул бюст как можно дальше, наблюдая за его полетом со злорадной усмешкой на губах. Вот наконец тяжелый мрамор рухнул вниз, ударился о булыжную мостовую и разбился на мелкие кусочки.

Лорд адмирал Ласло Тибериус следил за пятнышком, отображавшим на экране монитора «Громовой Ястреб». На борту челнока, приближающегося к столице Павониса, был Уриэль Вентрис. На мостике крейсера воцарилась атмосфера напряженного ожидания, умолк даже хор астропатов. Тибериус испытывал те же эмоции, что владели им, когда он шел в бой, и это, как он полагал, было совершенно естественно, хотя сейчас и он, и его люди на крейсере находились вне опасности.

Это капитан Ультрамаринов Уриэль Вентрис со своими воинами летел навстречу злу. Время работало против него, так что Космическим Десантникам придется действовать по старинке.

— Сколько еще? — коротко спросил адмирал Тибериус.

— Еще несколько мгновений, — ответил Филотас.

— Координаты введены?

— Да, лорд адмирал, все готово. Решение по управлению огнем подтверждено.

Тибериус уловил в голосе офицера намек на сдерживаемое нетерпение и угрюмо улыбнулся. Он уже знал, что все готово, но не мог удержаться от желания подстраховаться еще и еще раз. Только бы, подумал Тибериус, анонимное сообщение, полученное Уриэлем, когда он летел к Вратам Брэндона утром, оказалось верным.

И да поможет ему Император, если это не так.

Заставив себя вернуться к капитанскому пульта, Тибериус ухватился за край стола и обратился к команде с речью:

— Боевые братья! Близок тяжкий час испытаний. Помните, что путь к победе только один: наше единство. У нас есть решимость и искреннее желание. Ни один из нас не пожелал уступить или смириться с поражением, и за это я, ваш командир, благодарю вас.

Тибериус склонил голову, и Филотас доложил:

— Они на огневом рубеже, лорд адмирал. Тибериус кивнул.

— Офицер артиллерии, — отдал он приказ, — носовое орудие — огонь!

У Лютрисии Виджеон душа ушла в пятки, когда она увидела на экране приближающийся «Громовой Ястреб». Корабль летел на предельно малой высоте, искусный пилот мастерски следовал профилю ландшафта.

Но командный центр следил за шаттлом с того мгновения, как тот вошел в атмосферу, и на физиономии Воренса, нетерпеливо расхаживающего по комнате из угла в угол, плясала хищная усмешка. Девушка помнила его страх при появлении трех Космических Десантников у входа в командный центр, но маска злобной надменности вновь вернулась к Воренсу, лишь только они исчезли. «Куда же они ушли?» — подумала Лютрисия.

Поняв, какое страшное предательство совершил на их глазах Воренс, большинство сотрудников центра безмолвно молились за своими пультами, и только сервиторы продолжали выполнять задания. Лютрисия сморгнула слезу с уголка глаза, увидев, как что-то отделилось от значка, представлявшего ударный крейсер Космических Десантников. Что это? Второй боевой челнок?

Нет, сигнал был слишком слабым, чтобы это оказался «Громовой Ястреб». Присмотревшись, Лютрисия увидела, что предмет, отделившийся от крейсера, движется слишком быстро для корабля. Внезапно она догадалась, что это и куда направлена его траектория.

Зазвучал сигнал предостережения — древние компьютеры системы обороны пришли к тому же заключению, что и техник. А когда с крейсера хлынул шквал подобных точек, компьютеры забили тревогу.

Даниил Воренс вцепился в кресло, поднимаясь на ноги, и нечеловеческий ужас исказил его лицо.

— Нет, — прошептал он, глядя, как выпущенный с крейсера залп магматических бомб несется к ним, наведенный по точным координатам, предоставленным Лютрисией Виджеон.

Колени Воренса подогнулись, и он беспомощно опустился в кресло.

Лютрисия смотрела, как бомбы летят прямо на нее, пронзая атмосферу Павониса с невероятной быстротой. Вскоре они ударят и сотрут это помещение с лица планеты, и даже энергетический щит не спасет их.

Странно, но вдруг она совершенно успокоилась, поднялась из-за своего пульта и вышла на середину комнаты.

Даниил Воренс затравленно посмотрел на нее и открыто разрыдался перед приближающейся смертью. Он даже не пошевелился, чтобы остановить девушку, когда та взяла лежащий перед ним лазерный пистолет. Она никогда в жизни не держала в руках оружие, но точно знала, что и как собирается сейчас сделать.

В миг, когда луч, выпущенный ею, вошел в самое сердце Воренсу, сигналы тревоги, издаваемые компьютерами, стали оглушительными. Повернувшись к главному экрану, Лютрисия опустилась на колени.

Лютрисия Виджеон улыбнулась: ее переполняло колоссальное чувство удовлетворения. Она знала, что поступила правильно, и вознесла слова благодарности за то, что ей была предоставлена эта возможность сослужить Ему службу.

Вытянув вперед руки, она произнесла:

— Придите, братья и сестры. Давайте помолимся.

Остальные сотрудники центра управления присоединились к ней и взялись за руки, образовав небольшой круг, рыдая в последней молитве Императору.

Магматические бомбы ударили одна за другой с промежутком в несколько секунд.

Первая их порция врезалась в энергетический щит, перегружая генераторы поля, защищающие эту часть дворца, и пробивая в нем дыру. Следующие бомбы обрушились на крыло дворца, под которым был укрыт командный центр, уничтожив его одним мощнейшим взрывом и подбросив каменные блоки размером с танк высоко в небо. Остальные бомбы пробили десять метров усиленного роккрита, оставив на его месте воронку диаметром почти сто метров.

Но две бомбы все-таки сработали вхолостую. Первая, войдя в верхние слои атмосферы, ушла в крутую спираль и приземлилась на опушке леса Греша, уничтожив значительный кусок сельских угодий картеля Аброгас; вторая взорвалась, никому не причинив вреда, в океане, в девятистах километрах от цели.

Но остальные угодили прямоком в воронку и проникли в командный центр, взрывные устройства замедленного действия обеспечили их разрыв в самом его сердце. Разразившиеся огненные бури сожгли дотла все живое и разрушили то немногое, что оставалось. Из уничтоженного командного центра поднялся чудовищный столб черного дыма, который пронзали вулканические языки пламени. Ударная волна прокатилась на километры вокруг, словно землю покарал разъяренный бог.

Воздушные подступы к Вратам Брэндона оказались полностью открытыми, ведь сервиторы, управляющие батареями, праздно сидели в ожидании указаний по наведению орудий. Они не могли знать, что эти указания не поступят больше никогда.

Уриэль, глядя на это затаив дыхание, с облегчением выдохнул, услышав по связи голос пилота:

— О Жиллиман! Взгляните-ка!

Капитан увидел вспышку взрыва магматических бомб, зная: ничто не устоит перед праведным огнем звездного корабля, благословленного самим Императором.

— Никакого огня с земли, — подтвердил второй пилот. — Начинаем заход на атаку.

Значит, сообщение оказалось верным, и Уриэль прикрыл глаза, вознося слова благодарности мужественному слуге Императора (если бы он только знал, что этим слугой была хрупкая Лютрисия!), передавшему им координаты командного пункта обороны, окончательно решив тем его судьбу.

Лорд адмирал Тибериус хотел было запахать орбитальной бомбардировкой весь дворец, но Уриэль воспротивился этому плану, зная, что в таком случае крейсер уничтожит все в радиусе пятидесяти километров. Поэтому, разрабатывая план, они остановились на магматических бомбах, которые нанесли удар не большей, но и не меньшей силы, чем это было необходимо. Потерь среди мирного населения было не избежать в любом случае, но при таком раскладе они сводились к минимуму.

Космические Десантники пришли сюда, чтобы спасти этих людей, а не уничтожить их. Такая безыскусная резня — удел Кровавых Ангелов. Ультрама-рины не относятся к неразборчивым убийцам, они — священное орудие гнева Императора. Они существуют для того, чтобы защищать его подданных.

Слишком многие из тех, кто боролся во имя Империи, забывали о том, что Империя — это живой организм из миллиардов людей, населяющих миры Императора. Без них Империя — ничто. Их связывает воедино Император, а они — тот клей, что удерживает Его государство единым, и Уриэль не станет принимать участие в преднамеренном убийстве.

По спине капитана пробежал холодок: он вспомнил слова Гедрика с Каэрнуса IV.

Смерть Миров и Несущий Тьму ожидают рождения в этой галактике...

Теперь он понял их смысл, и этот смысл ему совершенно не нравился.

«Громовой Ястреб» сильно качнуло, когда пилот, облетев дворец, повел свой корабль вниз, в дыру в энергетическом щите, пробитую бомбами. С башен грохнули выстрелы, несколько из них даже настигли летящий корабль, но пронять его броню такими булавочными уколами им оказалось не под силу.

Командир экипажа челнока выглянул из двери и крикнул:

— Готовьтесь, братья! Высадка через десять секунд!

Напрягшись, Уриэль хлопнул по нагрудной пластине силового доспеха и болтеру в честь их

боевых духов. Собрал волю в кулак, он вытащил энергетический меч, продолжая неотрывно смотреть, как навстречу несется земля.

«Громовой Ястреб» с грохотом сел на булыжную эспланаду перед дворцом.

Уриэль воскликнул:

— Отвага и честь! — и выпрыгнул из челнока. Подхватив боевой клич, Ультрамарины ринулись за своим капитаном.

Барзано и Шонаи опасно покосились на потолок своей камеры. Мощная ударная волна от взрыва магматических бомб раскачивала тюремный этаж словно во время землетрясения. По сводчатым потолкам побежали трещины, и дюжина сводов рухнула, похоронив кричащих от ужаса и боли заключенных под тоннами обломков.

Скала раскололась с грохотом оружейного выстрела, и сталь балок застонала под многотонной тяжестью камня. Барзано поднялся на ноги. Прутья решетки их камеры, напрягшись до предела, скрежетали, выгнувшись наружу под давлением просевшей арки.

— Вот и пришло время возмездия, — прошептал он.

— Что происходит? — воскликнула Микола Шонаи, перекрикивая грохот рушащейся каменной кладки.

— Ну, по мне, это похоже на первый удар орбитальной бомбардировки, — хладнокровно ответил Барзано и засунул пальцы глубоко в рот.

— Что происходит? — воскликнула Микола Шонаи, перекрикивая грохот рушащейся каменной кладки.

— Ну, по мне, это похоже на первый удар орбитальной бомбардировки, — хладнокровно ответил Барзано и засунул пальцы глубоко в рот.

Завороженная столь странными действиями инквизитора Шонаи смотрела на него, не обращая внимания на вибрацию и толчки от бомбардировки.

— Что это вы делаете?

— Вытаскиваю нас... отсюда, — наконец ответил инквизитор, с громким хрустом выдернув зуб. Из уголка рта Барзано заструилась кровь.

Он бросился к двери камеры и, осмотревшись, не видно ли поблизости стражей, вставил зуб в замок. Тюремные коридоры наполнились криками и мольбами заключенных. Стражники тоже орали, приказывая немедленно всем заткнуться.

Барзано быстро отошел от двери и, подхватив Шонай, оттащил ее и койку с Дженной Шарбен в дальнюю часть камеры. Встав на колени, Барзано прикрыл их своим телом.

— Микола, закройте глаза, уши и откройте рот, чтобы взрывная волна не повредила барабанные перепонки, — посоветовал инквизитор, прижимаясь лицом к плечам к так и не пришедшей в сознание Шарбен.

Губернатор наклонила голову, грохнул взрыв — это сработала компактная взрывчатка, спрятанная в зубе Барзано, выбив замок двери в коридор. Сама дверь не тронулась с места, плотно зажата в своей раме опустившимся на нее потолком. Не успел затихнуть гром взрыва, как Барзано поднялся на ноги и саданул ботинком по двери камеры.

Она открылась на ширину ладони, но следующий удар распахнул ее полностью, и Барзано оказался в коридоре.

Держась за раненое плечо, он повернулся к Шонай и сказал:

— Оставайтесь здесь и присмотрите за Шарбен. Я скоро вернусь.

— Будьте осторожны! — это все, что смогла сказать в ответ Микола Шонай.

— Всегда, — ухмыльнулся Барзано, подобрав камень величиной с кулак, свалившийся с потолка, и осторожно направился по коридору, придерживаясь рукой за стену. Добравшись до поворота, он услышал доносящиеся из-за угла возбужденные голоса стражей.

Подняв над головой камень, Барзано крикнул с сильнейшим местным акцентом, какой только смог изобразить:

— Быстрее! Быстрее! Заключенные удирают! Через несколько секунд трое здоровенных тюремщиков выскочили из-за угла.

Барзано ударил камнем в лицо первому из них. Страж тут же повалился на пол, как мешок с цементом. Прыгнув на второго, инквизитор нанес ему удар камнем по шлему и вовремя распластался на полу — в нескольких сантиметрах над ним прошипел луч лазерного пистолета. Поднявшись на колени, инквизитор всадил локоть в пах третьему стражу. Тот упал, и Барзано, подхватив его лазган, хорошенько двинул прикладом в висок стражнику. Второй попытался было встать, но инквизитор выстрелил ему в лицо.

Прижав приклад к здоровому плечу, Барзано водил стволом лазгана в поисках новых целей.

Рана на другом его плече болезненно пульсировала, сквозь повязку сочилась кровь, но разве сейчас время думать о таких пустяках?

Позади опять слышались крики, Барзано резко присел, и шквал лазерных плевков зашипел на каменных стенах над его головой. Развернувшись, инквизитор открыл бешеную стрельбу, и двое стражников с воплями повалились на пол. Но оставалось еще с полдюжины нетронутых врагов, и Барзано закатился за угол, откуда появились его первые жертвы.

Быстро вскочив на ноги, он понесся по коридору, а оружие стражники мчались следом. Коридор разделялся на два прохода, Барзано нырнул в левый, и раздавшийся в этот момент выстрел оставил на его руке болезненно саднящий рубец. Коридор был прохладным и темным, редкие светильники, казалось, только усиливали мрак.

По всей длине коридора расположились одинаковые камеры, а завершался он ничем не примечательной дверью из ржавого металла. Барзано уловил своей обостренной интуицией волну гнетущего отчаяния. Такой ужас исходил из-за этой двери и концентрация его была столь велика, что инквизитор споткнулся.

Сопrotивляясь охватившему его смятению, он двинулся к этой двери, зная, что в его распоряжении считанные секунды, чтобы добраться до убежища, пока его не застрелили преследователи. Добежав наконец до этой пугающей двери, Барзано нырнул в нее, что было сил толкнув ржавый металл ногами.

Дверь с грохотом распахнулась, и он влетел в помещение, приземлившись на спину и застонав от боли, когда рана на его плече вновь открылась. Выстрелив из-за двери в коридор и услышав вопль еще одного убитого им стража, Барзано со скрежетом задвинул засов и навел оружие на тех, кто находился внутри помещения. Инквизитор поднял глаза, и ноги его подкосились: около залитого кровью стола стоял Хирург, погружая жужжащую пилу в тело Алмерза Чанды.

Нырнув в укрытие в виде горы обломков, Уриэль повел огонь из болтера по траншее мятежников. Там, где его снаряды поражали врагов, расцветали алые фонтаны и к грохоту боя добавлялись крики раненых. Несмотря на то что аптекарий Селенус приложил все силы, чтобы поскорее вернуть Уриэля в строй, рана, нанесенная ему топором предводителя эльдаров, отзывалась тупой болью на каждое движение капитана.

Вход на тюремный этаж дворца находился в дальнем конце этого обширного открытого участка, заваленного полыхающими в пламени пожара обломками здания. По обеим сторонам от входа были бункеры из роккрита, прикрывающие все возможные подходы, а перед ними — цель-убежище, защищенная недавно натянутыми кольцами колючей проволоки. Со стороны оборонительных позиций противника грохотали выстрелы: яркие вспышки лазганов и треск тяжелых болтеров.

Ультрамарины стреляли из-за своих импровизированных баррикад по толстым стенам бункеров. Космические Десантники выпустили в их направлении пару ракет, но бункеры могли выдержать и не такое, лишь прямой артиллерийский удар мог их разрушить.

Противник вел сосредоточенный огонь по позициям Ультрамаринов, и Уриэль понимал, что они теряют время: враг наверняка вот-вот подтянет тяжелое вооружение и ринется в контратаку. Какими бы грозными воинами ни были Ультрамарины, им ничего не останется, как отступить перед лицом такой огневой мощи.

Капитан подозвал своих сержантов и быстро обрисовал положение.

— Каковы наши возможности? — спросил он.

Пазаниус вложил в кобуру болт-пистолет и поднял огнемёт.

— Запроси ограниченный удар с крейсера, пробей дыру в линии их обороны и входи с боем через нее.

Уриэль взвесил возможность орбитального удара: заманчиво, но слишком опасно.

— Нет, если артиллеристы ошибутся хоть чуть-чуть, мы сами окажемся в зоне поражения, а весь тюремный комплекс может оказаться похороненным под сотнями тонн обломков.

— Тогда, полагаю, нам придется идти на прорыв самим, а это работенка не из легких, — угрюмо заметил сержант Венасус.

Уриэль кивнул. Венасус не отличался склонностью к разного рода ухищрениям, но, взвесив все имеющиеся возможности, Уриэль понял, что сержант прав: им придется отбросить тактические уловки. Превосходная подготовка и вера в Императора были жизненно важными, но в любой битве рано или поздно наступает время, когда приходится действовать напрямую, идти сквозь огонь, чтобы сразиться с врагом врукопашную — клинок на клинок, сила на силу. И сейчас это время пришло.

На позицию Ультрамаринов вновь обрушилась канонада мощного огня, стрелки ПСС методично обстреливали каждый сантиметр пространства, чтобы территория перед Космическими Десантниками превратилась в смертоносную зону.

— Хорошо, — принял наконец решение Уриэль, — вот как мы это сделаем.

Барзано успел поднять лазган, чтобы отразить направленный на него сверху удар пилы Хирурга, которая опустилась на ствол оружия, выбив фонтан лиловых искр. От следующего взмаха пилы инквизитор уклонился, всем телом врезавшись прямо в худощавую фигуру противника. Оба упали, молотя друг друга руками и ногами, и Барзано вскрикнул, почувствовав, как жужжащая пила вгрызается ему в бедро, как ее зубья, проскрежетав по костям таза, выскальзывают из тела.

Он ударил лбом в лицо Хирурга. Из сломанного носа эльдара брызнула кровь, и чужак

завизжал от боли. Барзано откатился в сторону из-под занесенной для ответного удара пилы, и она просвистела в воздухе, оставив в каменном полу глубокую выбоину. Инквизитор наклонился, чтобы поднять то, что осталось от его лазгана. Стрелять он уже не сможет, но его тяжелый приклад вполне сойдет за увесистую дубинку.

Прислонившись спиной к двери, Барзано налег на нее всем телом и почувствовал удары лазерных выстрелов. Долго дверь не продержится.

Хирург приближался к нему, с завывающей пилы во все стороны летели капли крови. Лицо эльдара превратилось в малиновую маску, его лиловые глаза залила волна ненависти.

А позади на столе стонало истерзанное тело Алмерза Чанды, его окровавленная плоть с содранной кожей начала содрогаться — действие средства, парализующего мышцы, которое ввел ему Хирург, кончалось.

А позади на столе стонало истерзанное тело Алмерза Чанды, его окровавленная плоть с содранной кожей начала содрогаться — действие средства, парализующего мышцы, которое ввел ему Хирург, кончалось.

Собрав волю в кулак, Уриэль прошептал короткую молитву священному примарху, прося его об удаче в предстоящей атаке. Космические Десантники ожидали его приказов. Капеллан Клозель читал Литанию Битвы, его суровый, решительный голос вселял силу и уверенность в души и сердца воинов Четвертой роты. Уриэль понимал, что он должен подать такой же пример, поведя этих людей в атаку.

Теперь стрелки ПСС лупили из своего оружия вслепую: дымовые гранаты, брошенные на их сторону, извергали клубы маскирующего дыма.

Решив, что дыма достаточно, Уриэль воскликнул:

— В атаку! За славу Терры! — и рванулся вперед из-за горы обломков.

Ультрамарины, взревев, как один бросились за своим капитаном в дым, под снаряды и лазерные лучи, смертельные для любого, не облаченного в священные силовые доспехи. Эти доспехи, благословленные Технодесантниками и пронизанные боевым настроением, хранили мужественных воинов.

Космические Десантники рассыпались веером, чтобы разом не попасть под плотный огонь противника. Это испытание каждому предстояло преодолеть в одиночку. Уриэль мчался сквозь белые облака, освещаемые зловещим светом мерцающих языков пламени. Он бежал мимо обожженных тел, через участки выжженной земли и груды брошенной военной амуниции. Вокруг рвались снаряды и вспыхивали лазерные лучи, выжигая сам воздух. Уриэль возглавлял атаку, и все его чувства были обострены до предела.

Плотный дым окутал все поле боя, лишь яркие вспышки где-то впереди подсказывали Космическим Десантникам, какое еще расстояние оставалось преодолеть.

Сто пятьдесят шагов.

Сквозь дым Уриэль Вентрис различал размытые силуэты своих братьев, оружие которых изрыгало плевки огня в сторону траншеи мятежников.

Сто шагов.

Раздался рев боли. По мере приближения к врагу в капитане нарастала холодная ярость.

Затем рядом с ним разорвалась земля, обдав Уриэля градом каменных обломков и раскаленного металла, — по нему палили из тяжелых болтеров. Первый болт угодил в наплечник, сбив воина с ног, второй ударил по энергетическому мечу, с градом искр оторвав клинок от эфеса.

Уриэль упал и, перекатившись на несколько метров, скользнул в укрытие. На визоре его шлема вспыхнули красные руны, перекрывая обзор. В глаза закапала кровь, и, сняв шлем, капитан вытер ее, уже свернувшуюся. Когда Уриэль посмотрел на свой загубленный меч, гнев охватил все его существо: от клинка остался лишь короткий обломок, сложные узоры, в которых жил дух оружия, были разорваны. Наследие Айдэуса уничтожено, единственного осязаемого подтверждения его, Уриэля, командирской власти больше не существует.

Гневно вложив в ножны останки меча, Уриэль поднялся на ноги.

Дым постепенно рассеивался, и он увидел, что находится менее чем в сотне метров от бункеров. Он был уже почти у цели, но на таком расстоянии огонь, который вели по Ультрамаринам враги, становился особенно мощным, и атака Космических Десантников постепенно захлебнулась. Шквал вражеского огня был таким, что пройти сквозь него живым было практически невозможно.

И тут Уриэль, ощутив в себе абсолютную веру, спокойно пошел на эту стену огня и, преклонив колени перед телом павшего боевого брата, взял цепной меч из его мертвой руки. Снаряды взрывали землю рядом с ним, но капитан Ультрамаринов шел не сгибаясь, он даже не пытался уклониться от болтов и лазерных лучей, будто бы их и не было вовсе.

— Капитан! Ложись! — крикнул Пазаниус. Уриэль повернулся к укrywшимся Ультрамаринам и закричал:

— За мной!

Ему в грудь ударил луч лазера.

Уриэль пошатнулся, но не упал, а орел в центре его нагрудной пластины расплавился. Капеллан Клозель поднялся на ноги, воздев над головой крозиус арканум.

— Смотрите, братья! Нас защищает сам Император! — воскликнул он, и голос капеллана разнесся над всем полем боя. Огромный капеллан закричал: — Вставайте, братья! За Императора! Вперед!

Уриэль нажал руну на эфесе цепного меча, и клинок, зарокотав, ожил. Ультрамарин повернулся к граншее противника.

Они сделают это. Пощады не будет.

Хирург совершил выпад, направив пилу в живот Барзано, но тот увернулся. Ухватившись за то, что когда-то было лазганом, а ныне — простой дубинкой, инквизитор крутанулся навстречу противнику и саданул его локтем в бок. Перекатившись вперед, он сумел избежать ответного удара пилой и с размаху врезался в стол с хирургическими инструментами. Тут же на пол со звоном посыпались пыточные сверла и щипцы. То, что осталось от Алмерза Чанды, не прекращало стонать, но никому до этого не было дела; и когда Хирург вновь пошел на инквизитора, тот поднял с пола длинный скальпель с крюкообразным лезвием.

Силы Барзано таяли, и он понимал, что долго ему не продержаться. Поднявшись, он крепко сжал в кулаке скальпель. Эльдар, мрачно ухмыльнувшись, взмахнул пилой, целясь человеку в голову.

Инквизитор блокировал удар предплечьем, завопив, когда зубья пилы вгрызлись в его руку и заскрежетали вдоль кости к локтю. Тут воющая пила, задрожав, остановилась — ее зубья застряли в кости. И прямо так, с пилой в теле, Барзано сделал шаг вперед и всадил скальпель в висок Хирурга.

Эльдар зашатался. Из рта его рекой хлынула кровь, колени подкосились, из черепа с торчащими оттуда пятнадцатью сантиметрами стали начал вытекать мозг. Издав последний вздох, эльдар рухнул вперед, и пила наконец отпустила искромсанную руку Барзано.

Инквизитор оперся на стол, изо всех сил стараясь не потерять сознание от пронзающей боли. Толстый шмат мяса свисал с его локтя, но он с усилием заставил себя не смотреть на это.

По двери продолжали лупить выстрелы, нужно было, несмотря на вспышки невероятной, раздирающей боли в черепе и во всем теле, думать о дальнейшей защите. Инквизитор наклонился, чтобы вытащить из-за пояса Хирурга странного вида пистолет, и скорее почувствовал, а не увидел движение рядом с собой: это, с позволения сказать, Алмерз Чанда приподнялся и сел на столе, его изуродованное тело сделало последний рывок перед смертью. Истерзанные ошметки его плоти вопили о чудовищной, невообразимой боли — и молили об искуплении.

Барзано старался удержаться на ногах, и в этот миг дверь комнаты Хирурга в конце концов с грохотом рухнула.

Уриэль врезал кулаком по забралу стража, и лицо человека превратилось в кровавое месиво. Выстрел из лазгана оставил глубокий след в нагрудной пластине капитана, но в целом доспехи еще функционировали, и Уриэль одним выстрелом из болтера уложил нападавшего стрелка. Описав яростную дугу, его цепной меч обезглавил другого солдата и распотрошил третьего. Выстрелив в лицо третьему, Уриэль взревел в свирепом восторге битвы.

Траншея превратилась в настоящую бойню.

Ярости Ультрамаринов не было предела, они разрывали мятежников из ПСС на куски, опустошив траншею неистовством своего натиска. Болтеры палили непрерывно, цепные мечи полыхали красным в солнечном свете, и потоки жидкого пламени заживо поджаривали людей. Пощады Космические Десантники не давали никому, и в считанные секунды траншея превратилась для предателей в открытую могилу.

Сохраняя скорость атаки, Уриэль, призвав своих людей следовать за ним, первым выкарабкался из траншеи и помчался к бункерам. Крупнокалиберные снаряды изрешетили землю вокруг него, но Вентрису каким-то непостижимым образом удалось избежать прямых попаданий. Стреляя на бегу, капитан Ультрамаринов оказался в десяти метрах от бункера. Он увидел, как Пазаниус выпустил длинную струю жидкого пламени в стрелковую бойницу второго бункера, оранжевые языки огня плясали вокруг исполина, наполнявшего цитадель противника обжигающей смертью.

Уриэль нырнул и подкатился к основанию бункера-и снова избежал очереди, выпущенной по нему чуть ли не в упор. Он прижался спиной к передней стене укрепления. Бункер представлял собой приземистую плиту роккрита, выступающую над поверхностью земли, с узкими щелями-бойницами с каждой стороны. Да, здесь гранаты будут бесполезными. В бункере наверняка есть гранатопоглотитель — защищенная камера, в которой взрывная сила гранат сводилась на нет.

Из бункера продолжали стрелять, и Уриэль дождался характерного звука скользнувшей назад затворной рамы опустевшего болтера. Затаив дыхание, он услышал двойной щелчок вставленного нового магазина.

Взревев, Уриэль рывком поднялся на ноги и вогнал цепной меч через бойницу стрелку прямо в лицо. Последовал жуткий вопль и хруст костей. Вытащив меч, капитан Вентрис всунул в бойницу ствол своего болтера и, потянув за спусковой крючок, принялся водить подпрыгивающим стволом слева направо и обратно, наполняя бункер разрывными болтами. Крики оттуда доносились недолго, но Уриэль успокоился, лишь опустошив магазин целиком.

Он выронил болтер, его лицо было залито потом и кровью.

Все. Бункеры принадлежали Ультрамаринам, тюремный комплекс лежал перед ними.

Тюремные стражники ворвались в камеру пыток и столкнулись лицом к лицу с привидением из своих худших ночных кошмаров: это агонизирующий Алмерз Чанда рванулся вперед, вытолкнув передних тюремщиков за дверь и опрокинув их на пол.

Молотя руками и ногами, умирающий жутко выл от невыносимой боли, казалось, его боль передается всем, кто слышал эти терзающие душу звуки. Лазерный луч вонзился в изуродованное тело Чанды и сквозь него — в стражника.

Оторвав взгляды от этого чудовищно изувеченного человека, тюремщики уставились на единственного оставшегося в живых обитателя камеры пыток. Барзано качался, его искромсанное тело выглядело так, будто он только что принял кровавую ванну. Смерть Чанды дала ему драгоценные секунды, которые он вовсе не намерен был упускать. Наведя пистолет Хирурга на стражников, он потянул за спусковой крючок.

Пучок темных игл вылетел из дула пистолета, вонзившись в ближайших стражей, искромсав их и убив на месте. Стоявшие позади оказались не столь удачливы: иглы не убили их сразу, но отравили смертоносными токсинами.

Барзано, шатаясь, заковылял к двери, а стражи — кто упал, конвульсивно дергаясь в предсмертной агонии, а кто удрал, увидев, какая страшная смерть постигла их товарищей. Инквизитор захлопнул дверь и осел на пол, заливая все вокруг своей кровью, а вместе с ней инквизитора покидали и драгоценные силы.

Снаружи опять зазвучали крики, раздались выстрелы и взрывы. Он почувствовал, как кто-то толкает дверь, и пытался удержать ее закрытой, но не смог. Упав на пол, он поднял руку с пистолетом... Инквизитор не видел уже ничего — перед его глазами все расплывалось.

Сержант Леаркус вырвал пистолет из руки потерявшего сознание инквизитора и отшвырнул его в сторону — да, это он с двумя боевыми братьями, с Миколой Шонаи, Лортуэном Перджедом и шестью ошеломленными клерками ворвались в комнату пыток. Один из Космических Десантников внес Дженну Шарбен и осторожно положил арбитра на стол Хирурга.

— Займитесь им, — приказал Леаркус, указывая на безжизненно упавшего Барзано.

Сержант включил вокс:

— Капитан Вентрис, инквизитор Барзано у нас. Он тяжело ранен. Нужно срочно перевести его на крейсер.

Уриэль рванулся через дымящиеся развалины тюрьмы, стреляя на бегу. Взрыв уничтожил большинство солдат, оборонявших вход, звенящее эхо взрыва сопровождалось стонами умирающих.

Его настроение поднялось, когда Леаркус сообщил, что инквизитор в безопасности.

Все-таки правильное решение он принял, оставив сержанта во дворце, чтобы тот прорвался в тюремный комплекс сверху.

Однако под землей находилось еще несколько сотен человек. Добраться до братьев и переправить их в безопасное место пока только предстояло. Пазаниус вновь полыхнул пламенем вниз, по грубо высеченной в камне лестнице, ведущей во мрак тюрьмы.

Снизу понеслись вопли, и Уриэль вновь повел Ультрамаринов в атаку.

Стреляя из болтера через дверь, Леаркус уложил на месте еще двух стражников и ранил третьего. Три атаки были отражены, но боезапас подходил к концу, да и время было на исходе. В этой комнате еще два входа, и каждый из Космических Десантников яростно отбивался от нападающих болтером и цепным мечом.

Микола Шонаи и Лортуэн Перджед пытались остановить кровотечение из руки Барзано, но проигрывали это сражение: в этой комнате имелись инструменты только для причинения боли, а не для сохранения жизни. Рука мертвенно-бледного Барзано была рассечена дьявольской пилой от запястья до локтя, слабый пульс едва прощупывался.

Все больше и больше стражей сбегались к дверям камеры пыток, но каждый раз их сносили смертоносные болты или кромсали визжащие цепные мечи. Комнату наполняло зловоние смерти.

Но вот иссяк последний магазин, и Леаркус, выпустив из руки болтер, бросился к двери, которую вновь штурмовали враги. Он зарубил мечом первых нападающих, но выстрелы из лазганов сбили сержанта с ног. В его визоре вспыхнули красные руны. Он перекатился, перерубил ноги одному из нападающих и всадил кулак в пах другому. Сержанта кололи штыками, но в большинстве своем оружие скользило по мощной броне доспехов.

Он сам колот и рубил, бил ногами и руками во все стороны, ощущая, как ломаются кости врагов от каждого его движения. Громыкнул залп, Леаркус вырвался из толпы нападавших, с ревом раскидав их в стороны...

Ультрамарины держались, но это не могло длиться вечно.

Удар тыльной стороной руки отправил очередного вопящего врага в ад — это Уриэль с Пазаниусом продолжали спускаться в тюремный комплекс. Шлем капитана остался на поле боя, поэтому он следовал за сержантом, чей пеленгатор вел их к Леаркусу.

Спереди донеслись вопли умирающих и отзвуки яростной схватки, и, бросившись вперед, сержант увидел десяток стражников, атакующих широкую дверь.

Не дожидаясь приказа, Пазаниус выпустил по ним струю пламени из своего смертоносного огнемета. Крики ужаса и вонь обожженной плоти наполнили узкий коридор, и Ультрамарины набросились на тюремных стражей сзади.

Это был уже не бой, а резня. Бежать тюремщикам было некуда. Зжатые между неистовым Леаркусом и вновь появившимися Десантниками, уцелевшие попытались отдаться на милость Уриэля. Но пощады не было — все мятежники до одного были убиты.

Тяжело дыша и вытирая кровь с лица, Уриэль влетел в камеру пыток Хирурга. Комната была завалена мертвыми телами, стоял невыносимый тошнотворный запах крови. Тишина, внезапно сменившая шум битвы, оглушала, и Леаркус сощурился, опуская свой залитый кровью меч.

Уриэль подошел к Леаркусу и сжал в своей ладони его руку.

— Рад встрече, брат, — прошептал Уриэль. Леаркус кивнул:

— И я, капитан.

«Громовой Ястреб» с ревом взмыл вверх, преследуемый несколькими наспех переоборудованными в боевые корабли челноками и орнитоптерами. Спроектированные для атак с бреющего полета на медленно движущиеся наземные цели, они не могли противостоять кораблю Космических Десантников. Тем, кому хватило ума убраться от челнока восвояси, — повезло, но семь кораблей преследователей были уничтожены.

Спасение инквизитора Барзано стоило жизни трем Ультрамаринам и двум клеркам, убитым в перестрелке, вспыхнувшей в камере пыток. Лортуэн Перджед был непреклонен в требовании похоронить их со всеми воинскими почестями.

Прежде чем заняться ранеными, аптекарий Селенус удалил жизненно важные прогеноидные железы из тел павших Космических Десантников: возвращение драгоценного генного семени важнее оказания медицинской помощи пострадавшим на поле боя.

Стабилизировав состояние Барзано, он занялся переливанием ему крови от клерка с кровью подходящей группы. Благородный человек выразил готовность отдать кровь до последней капли, чтобы только спасти жизнь инквизитора, но Селенус заверил его, что столь кардинальных мер не потребуются.

Затем он обработал рану Дженны Шарбен, и, хотя она не сможет встать на ноги еще долго, теперь ее жизнь была вне опасности, а рана не причинит девушке долгих страданий. Да и большинство Ультрамаринов оказались ранеными не очень-то тяжело.

Помятый «Громовой Ястреб» вышел на высокую орбиту и, состыковавшись наконец с крейсером «Горе побежденному», доставил на его борт воинов.

Старшие офицеры экспедиции на Павонис расположились вокруг круглого стола в каюте совещаний капитана.

Лорд адмирал Тибериус сидел спиной к стене под внушительным шелковым полотнищем, на котором в хронологическом порядке были отражены все победы судна и имена его прежних капитанов, первые из которых командовали крейсером еще за сотни лет до рождения Тибериуса. По одну сторону от лорда адмирала сидели изнуренные сражением Ультрамарины, только что вернувшиеся после битвы на Павонисе: Уриэль, Леаркус, Пазаниус, Венакус и Дардино. На противоположной стороне стола расположились Микола Шонаи и Лортуэн Перджед..

Между ними оказалось свободное кресло, но вот прибыл и последний участник военного совета. Его левая рука была на перевязи, а сам он заметно прихрамывал.

От взгляда Уриэля не укрылся специфический блеск в глазах Барзано — он красноречиво говорил о том, что инквизитора накачали стимуляторами по полной программе. Да, инквизитор действительно применял медицинские препараты, чтобы нейтрализовать боль в раненой руке и плече. Барзано опустился в кресло напротив Уриэля; лицо инквизитора было очень бледным.

— Хорошо, — открыл совет Барзано. — Думаю, будет честным признать положение мрачным. Казимир де Валтос захватил Павонис и в любой момент может добраться до древнего чуждого оружия, способного учинить разрушения в масштабе целой звездной системы. Все ли согласны с тем, что это справедливая оценка нашего положения?

— Хорошо, — открыл совет Барзано. — Думаю, будет честным признать положение мрачным. Казимир де Валтос захватил Павонис и в любой момент может добраться до древнего чуждого оружия, способного учинить разрушения в масштабе целой звездной системы. Все ли согласны с тем, что это справедливая оценка нашего положения?

Все собравшиеся согласились с инквизитором.

— Что, в таком случае, вы предлагаете, инквизитор Барзано? — спросил Тибериус.

— Предлагаю направить закодированное послание на Макрэйдж и вызвать к Павонису боевое судно, оснащенное циклоническими торпедами.

Уриэль стукнул кулаком по столу.

— Нет! — решительно заявил он. — Я этого не потерплю. Мы пришли сюда, чтобы спасти людей этой планеты, а не уничтожить их!

Тибериус отечески накрыл своей ладонью руку Уриэля. Микола Шонаи перевела озадаченный

взгляд с Вентриса на Барзано.

— Возможно, я чего-то не понимаю, — наконец произнесла она. — А что такое циклонические торпеды?

— Убийцы планет, — ответил Уриэль. — Они уничтожат в огненной буре атмосферу Павониса, очистив поверхность от всего живого. Моря вскипят и испарятся, и ваш мир превратится в бесплодную скалу, усыпанную пеплом.

Шонаи обратила полный ужаса взгляд на Барзано.

— Вы уничтожите мой мир? — с сомнением спросила она.

Барзано медленно кивнул:

— Если это не позволит безумцу овладеть Несущим Ночь, то да, я сделаю это. Лучше пожертвовать одним миром, чем потерять тысячи. И мы не уклонимся от своего долга.

— Убивать невинных людей не есть наш долг, — заметил Уриэль.

— Наш долг — спасти столько жизней, сколько мы сможем, — возразил Барзано. — Если мы ничего не сделаем и де Валтосу удастся овладеть кораблем ксеносов, погибнет не только Павонис, а множество миров. Мне нелегко дается это решение, Уриэль, но я должен полагаться на холодную логику и Императора, который руководит мною.

— Не могу поверить, что именно в этом состоит воля Императора.

— Кто ты такой, чтобы судить, чего хочет Император? — выпалил Барзано. — Ты воин, который может увидеть своих врагов на поле битвы и сразить их мечом и болтером. Мои враги — это ересь, отклонения и честолюбие. Это более коварные враги, чем ты можешь себе представить, и соответственно я должен применять более мощное оружие.

— Вы не можете сделать этого, Барзано, — сказал Уриэль. — Мои люди сражались и проливали кровь за этот мир. Я не сдамся.

— Речь не идет о том, чтобы сдаться, Уриэль, — возразил Барзано. — Речь идет о предотвращении. Мы не знаем ни того, где находится де Валтос, ни того, как он намеревается завладеть кораблем, а без этой информации мы ничего не сможем сделать. Если мы будем колебаться и не успеем предотвратить приход Несущего Ночь, сколько еще жизней будет потеряно? Десять миллиардов? Тысяча? Еще больше?

— Наверняка мы можем что-то предпринять, чтобы остановить де Валтоса, — заявила Шонаи.

— На Павонисе миллионы людей. Я не буду просто стоять и выслушивать, как обсуждается судьба моего мира, словно его уничтожение — какой-то пустяк.

Барзано повернулся лицом к Шонай и сказал:

— Поверьте мне, Микола. Я вовсе не бессердечное чудовище и не считаю, что гибель мира ничего не значит. Если бы существовал другой способ, я бы с радостью выбрал его.

Пока Барзано говорил, в голове Уриэля вновь прозвучали слова Гедрика:

Смерть Миров и Несущий Тьму ожидают рождения в этой галактике. Поднимется один из них или никто, — выбор в твоих руках.

— Вы действительно имеете это в виду, инквизитор Барзано? — спросил Уриэль.

— Что именно? — настороженно спросил Барзано.

— Относительно выбора другого способа, если будет такая возможность?

— Да.

— Тогда, я полагаю, другой способ есть! — торжественно заявил Уриэль.

Барзано скептически поднял бровь и наклонился вперед, опершись на стол и стараясь не потревожить раненую руку.

— И каков же он, Уриэль?

Уриэль осознавал всю важность момента, а потому долго собирался с мыслями, прежде чем заговорить.

— Когда в подвале дома де Валтоса мы обнаружили скелеты двух воинов, я заметил, что упаковки батарей, к которым они были подключены, имели идентификационные надписи.

— И?...

— На них было написано «Тембра Ридж», — возможно, губернатор может пролить свет на то, что означает эта надпись, — ответил Уриэль.

— Тембра Ридж? Это горный хребет примерно в сотне километров от Врат Брэндона. Он

тянется от западного океана к лесу Греша на востоке, почти тысяча километров скалистых плоскогорий и низкорослых лесов. По всей длине хребта прорыты сотни глубоких шахт. Многие из картелей владеют землей в Тембра Ридж. У картеля де Валтос там несколько участков.

— Если те вещи были извлечены из шахты в Тембра Ридж, разве не может быть, что и сам Несущий Ночь также лежит там под землей? — заключил Уриэль.

Барзано с улыбкой кивнул:

— Очень хорошо, Уриэль. А теперь, если бы только мы смогли знать, из какой именно шахты, у нас действительно появился бы повод для праздника.

Хотя тон Барзано оставался несколько саркастичным, Уриэль видел, что теперь инквизитор по крайней мере потерял уверенность в том, что уничтожение Павониса — единственный путь к спасению галактики. Арио Барзано повернулся, к Миколе Шонаи:

— Насколько глубоки эти шахты?

— По-разному, — ответила Шонаи, — самые глубокие, возможно, десять тысяч метров, другие — порядка трех-четырёх тысяч. Все зависит от того, какой пласт разрабатывается и на какую глубину экономически оправданно уходить.

— Тогда мы выясним, какие шахты принадлежат картелю де Валтос, и разбомбим их все с орбиты! — прорычал Уриэль.

— Лортуэн? — произнес Барзано, поворачиваясь к своему другу и помощнику, и тот в ответ задумчиво кивнул и закрыл глаза. Его дыхание замедлилось, веки затрепетали: он отбирал факты, цифры и статистику из пучины информации, собранной им вместе с клерками во время изысканий.

Глаза старика быстро двигались из стороны в сторону, словно считывая информацию, появляющуюся на внутренней поверхности век. Капитан Уриэль впервые заметил, что за ухом Перджеда поблескивает металл: он носил кибернетические имплантаты, схожие с теми, что были у сервиторов.

Не открывая глаз, Перджед заговорил невыразительным, монотонным голосом:

— В Тембра Ридж картель де Валтос владеет четырьмя шахтами. Все они поставляют минеральную руду, подлежащую переработке в сталь для производства танковых шасси и орудийных стволов, но к настоящему времени уровень производства самой северной из них — наиболее низкий. Полагаю, этот дефицит покрывается повышенной производительностью других шахт, что объясняет большее количество несчастных случаев среди рабочих.

Голова Перджеда склонилась, его дыхание постепенно вновь пришло в норму, и Уриэль торжествующе посмотрел на Барзано.

— Вот, — радостно изрек он, — у нас есть местоположение, и мы можем атаковать, не прибегая к геноциду.

— Боюсь, это ничего не меняет, капитан Вентрис, — тихо сказал Тибериус.

— Почему?

— Даже при полной нагрузке на наше орудие магматические бомбы не смогут проникнуть так глубоко в кору планеты.

— Тогда мы вновь предпримем вылазку на поверхность! — воскликнул Уриэль. — Техники сообщают, что теперь у нас на ходу два «Громовых Ястреба». Мы вылетим, как только перевооружимся, а де Валтоса мы, если понадобится, вытащим из-под земли голыми руками.

Уриэль вызывающе посмотрел на Барзано, собираясь опровергнуть любые возражения, которые могли появиться у инквизитора.

Но Барзано просто молча кивнул. Спустя несколько секунд он произнес:

— Прекрасно, Уриэль. Попытаемся сделать по-твоему, но, если ты потерпишь неудачу, Павонис погибнет. От моей руки или от руки де Валтоса.

— Неудача исключена. Павонис будет жить, — заверил Уриэль. — Мы — Ультрамарины!

17

Раздался очередной залп огня, Вирджил Ортега пригнулся, и его обдало градом каменных осколков — стена позади него была практически полностью разрушена. Скользнув за баррикаду из рок-крита, он выбросил опустевший барабанный магазин и, вставив в стаббер новый, передернул затвор.

Враги снова пошли в атаку, и Ортеге пришлось в очередной раз взгромоздить тяжелое оружие на бруствер баррикады. Заняв удобную позицию, он уперся плечом в приклад и потянул за спусковой крючок. Из перфорированного кожуха вырвался клуб дыма, и сотни высокоскоростных пуль, разорвав воздух, с оглушительным ревом врезались в первую волну атакующих, в одну секунду превратив их тела в гору искромсанных трупов. Оружие вибрировало в руках Ортеги столь сильно, что арбитр с трудом удерживал его, напрягая для этого все свои мускулы. При огромной огневой мощи и скорострельности стаббера значение имела не столько точность стрельбы, сколько наличие боезапасов: стаббер мог опустошить весь свой магазин за считанные секунды.

Из двадцати семи арбитров, которых ему удалось увести с базы Адептус Арбитрес после разгрома, оставалось в живых еще восемнадцать. Вынырнув из замаскированных тоннелей под дворцом, о которых не знала даже губернатор, арбитры после короткой, но жестокой перестрелки захватили склад боеприпасов. Это стало для неприятеля полной неожиданностью, и арсенал, спроектированный противостоять атакам снаружи бесконечно долго, пал в течение всего лишь часа.

Силам мятежников понадобилось, увы, гораздо меньше времени, чтобы организовать контратаку и попытаться выбить арбитров из их нового убежища. Укрытый под дворцом, арсенал был недоступен для тяжелой боевой техники, атаковать его могла только пехота, так что, получив в свое распоряжение практически весь ассортимент самого мощного оружия, Вирджил Ортега оказался бельмом на глазу мятежников. Без тяжелого вооружения, которым были до отказа забиты складские помещения арсенала, те оказались в весьма затруднительном положении: отвечать на гнев имперского возмездия мятежникам стало нечем. А в том, что это возмездие рано или поздно наступит, мало кто сомневался как с той, так и с другой стороны.

Ортега отправил Колликса в сопровождении шестерых арбитров на поиски взрывчатки, чтобы подготовить арсенал к уничтожению. Они смогут, взорвав арсенал, отправить его в варп, а если повезет, то и сами, проведя несколько атак, смогут унести ноги из этого пекла.

Коридор перед Ортегой был завален телами мертвых врагов, груды трупов превратились в импровизированные защитные укрытия для осажденных.

Ортега без устали водил стволом стаббера по сторонам, стреляя на малейший признак движения. Остальные арбитры сражались плечом к плечу со своим командиром: они вели огонь из дробовиков, болтеров и стабберов, наполняя пространство перед собой огнем, дымом и смертью.

Ортега услышал приглушенные проклятия и, бросив быстрый взгляд назад, увидел Колликса, волокущего за собой лафет, на котором возвышалась сдвоенная автоматическая пушка. Ортега усмехнулся: пушка предназначалась для установки на моторизированное транспортное средство, вероятно на «Стража», и была слишком тяжелой для одного человека.

Тут на оборонявшихся вновь посыпались выстрелы. И хотя прямых попаданий можно было не опасаться, осколки рикошетили от стены.

— Давай, Колликс, пошевеливайся! — закричал Ортега и стянул с баррикады тело с наполовину снесенной головой — еще один арбитр.

— Иду, сэр!

— Сколько нам понадобится времени, чтобы взорвать все это к чертовой матери? Когда можно начинать отступление?

— Я не уверен, что мы сможем это сделать, сэр.

— Ты это о чем?

— Детонаторы для взрывчатки здесь не хранятся, — объяснил Колликс. — Полагаю, специально, чтобы не дать противнику сделать то, что сейчас пытаемся устроить мы.

Ортега выругался. Опустив тяжелый стаббер, он сполз с баррикады и, пригнувшись, направился к Колликсу, чтобы помочь ему с тяжелым оружием.

— Тогда нам нужно найти другой способ, чтобы отправить все это в варп! — прорычал Ортега.

— Можно устроить взрыв вручную, — предложил — Колликс.

Осознав, что тот предлагает, Ортега встретился с сержантом взглядом:

— Будем надеяться, что до этого не дойдет, Колликс.

— Да уж, — угрюмо кивнул тот.

— Установим пушку здесь, — приказал Ортега, выбрав позицию для орудия так, чтобы его огонь прикрывал арбитров на баррикаде.

Колликс потянул за тормозной рычаг на лафете пушки, закрепил колеса, а затем выдвинул подпорки. Отдача у этого орудия наверняка очень сильная, и Ортега не был уверен, что импровизированная станина сможет удержать пушку после выстрела.

Тут из-за его спины донеслись визги и отчаянные крики, и Ортега в очередной раз выругался, увидев, как его арбитры дерутся с людьми в серой униформе. Каждый мужчина и каждая женщина сражались с неистовой свирепостью, и проход, и без того заваленный трупами, вновь наполнился дымом и кровью.

Адептус Арбитрес были одними из наиболее дисциплинированных и преданных войск, на которые мог рассчитывать Император, но мятежники из ПСС бились с бешенством загнанных зверей. Бой шел не на жизнь, а на смерть.

Ортега отстегнул от пояса шоковую булаву и ринулся в самую гущу схватки, неистово молотя противников налево и направо. Колликс, взмахнув здоровенным энергетическим мечом, непринужденно рассек одного из солдат ПСС надвое. Конечно, и Ортега мог воспользоваться мечом — здесь, в имперском арсенале, хранилось огромное количество самого современного и экзотического оружия, в том числе энергетические мечи и огромные энергетические топоры, но Ортега доверял старой и надежной, не раз им испытанной булаве.

Размахиваясь, Ортега, сам того не заметив, разнес булавой череп подкравшегося к нему сзади врага. Вирджил истратил уже семь энергетических зарядов, но здесь не было недостатка в боеприпасах. И даже тогда, когда на перезарядку оружия просто не было времени, когда Ортега был вынужден использовать булаву без шокового поля, кусок металла в полметра толщиной был мощным оружием в руках человека, который знал, как с этим куском металла обращаться.

Ортега бился спиной к спине с Колликсом, и вместе они пробивали проход сквозь строй окровавленных солдат ПСС, круша им кости и разбивая лица оружием и кулаками.

— Смотрите, это правосудие Императора вершится над вами, грешники! — воскликнул Колликс, нанеся противнику удар ногой в пах, а затем обезглавив врага смертельным ударом меча.

Ортега всадил булаву в живот другого солдата и, когда тот от боли сложился пополам, ударил коленом ему в лицо. Кровь брызнула во все стороны, и Ортега ударил вновь. Он понимал, что должен во что бы то ни стало продолжать сдерживать нападающих — хотя бы еще немного.

Постепенно пространство вокруг него расчистилось, и Ортега выпустил из руки булаву, вновь поднимая с пола тяжеленный стаббер. Напрягшись, он потянул за спусковой крючок, и все его тело заходило ходуном от мощной отдачи. Ребра Ортеги болезненно скрипели при каждом выстреле, в какой-то момент арбитру даже показалось, что он заработал еще несколько переломов.

Крупнокалиберные снаряды вспороли ряды мятежников, и дюжина солдат повалилась наземь, как костяшки домино. Бронежилеты солдат ПСС были не способны противостоять такому мощному оружию, как стаббер. Видя, что враги как подкошенные валятся на пол, Ортега взревел. Это был и боевой клич, и первобытный рев гнева и боли одновременно.

— Смерть тем, кто оскверняет законы Императора!

В уголках его рта пузырилась кровь, и он чувствовал в груди глухую боль. Да, теперь он был уверен, что вновь сломал по крайней мере одно ребро. И в этот момент все вдруг стихло. Внезапно все было кончено.

Последние из нападавших пали или позорно бежали. Несколько отчаянно обороняющихся арбитров оказались для них непреодолимой преградой. Ортега не давал никакой пощады даже убежавшим, стреляя в спины солдат в серой форме.

В итоге скрыться, отстреливаясь на ходу, удалось лишь жалкой горстке предателей.

Вдруг в грудь Ортеге вонзился лазерный луч. Стены вокруг арбитра стали водить хоровод, и в следующую секунду пол поднялся и ударил по лицу холодным бетоном. Ортега почувствовал, как чьи-то руки подхватили его и потащили назад. Последнее, что он успел увидеть, это

арбитров, по-прежнему продолжавших удерживать баррикаду.

Пали еще шестеро из людей Ортеги, но арбитры держались.

Пока.

Уриэль и Пазаниус неслись вверх по косогору, держа курс на группу домов с железными стенами, разместившихся на горном плато. Жара в горах стояла невероятная, казалось, сами камни раскалились добела, и их сияние ослепляло.

За ними к глубокоствольной шахте, которую Лортуэн Перджед назвал TP-701, по скалистым, покрытым редким низким кустарником склонам гор Тембра Ридж поднимались остальные Ультрамарины. Склон этот не выглядел местом, достойным героической смерти, и Уриэль надеялся, что был прав, использовав эту последнюю возможность остановить де Валтоса.

Арио Барзано находился в шести километрах к западу от шахты в одном из «Громовых Ястребов», с волнением ожидая от Уриэля подтверждения, что это и есть именно то место, которое они искали.

Шесть отделений Ультрамаринов продвигались вверх по склону горы, причем этот крутой подъем отбирал у них сил не больше, чем обыкновенный марш по плацу. Поднимаясь, они старались прикрывать спины друг друга, не сомневаясь, что рано или поздно их заметят, — слишком ярко выделялись на фоне белого камня гор их синие доспехи.

Обжигающие струи отработанных газов извергались из выхлопных отверстий, разбросанных по склону горы. Через эти трубы на поверхность выводились выхлопные газы машин, занимающихся глубинным бурением, и Уриэлю это зрелище напомнило неугомонные вулканы в южных океанах Макрэйджа.

Обжигающие струи отработанных газов извергались из выхлопных отверстий, разбросанных по склону горы. Через эти трубы на поверхность выводились выхлопные газы машин, занимающихся глубинным бурением, и Уриэлю это зрелище напомнило неугомонные вулканы в южных океанах Макрэйджа.

Отделение Дардино поднималось по левому флангу. Горный склон там был круче, но воины Дардино были оснащены прыжковыми ранцами, которые заметно облегчали продвижение воинов по склону, покрытому каменистой осыпью. Отделения Венасуса, Пазаниуса, Элерны, Ниваниуса и Дедалуса двигались вверх по широкому ступенчатому склону.

Комплекс шахтных сооружений сиял в лучах солнца, серебристые стены его зданий, словно зеркало, отражали свет во все стороны. Понять, там ли затаились вооруженные отряды врага или нет, было совершенно невозможно. Столбики выхлопных газов поднимались из-за зданий, но были ли то бронемшины, или они выходили из-под земли, как это происходило на склоне горы, было неясно.

Ультрамарины были уже в трех сотнях метров от плато.

Казимир де Валтос шел в почти полной темноте за начальником шахты. Если бы не бледное мерцание светильников, он не мог бы разглядеть даже спину Джекоба Ласко. Начальник шахты то и дело вытирал грязным рукавом вспотевший лоб, но де Валтос был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на безжалостную жару, стоявшую глубоко под землей.

За Ласко и де Валтосом следовала группа тяжеловооруженных эльдарских воинов, лица которых были скрыты разрисованными малиновыми шлемами. Воины несли большой посеребренный металлический контейнер с плотно закрытой крышкой.

В центре этой группы шел грозный предводитель Кабала Расколотого Клинка Архонт Кешарк. Как и у его воинов, лицо Кешарка было скрыто шлемом с опущенным забралом, но, в отличие от шлемов его подчиненных, светло-зеленая поверхность шлема Кешарка была абсолютно гладкой и однотонной. В руках Кешарк держал огромный боевой топор, а рядом с грозным Архонтом плавно скользила прекрасная ведьма с иссиня-черными волосами, которая до появления Кешарка как тень следовала за Казимиром де Валтосом.

У ног Кешарка потрескивали и пощелкивали экскренты, продвигаясь за своим хозяином, используя для этих целей все конечности и отростки, которыми одарил их Хирург. Эти отвратительные создания шипели и плевались, чувствуя себя в жарких и темных коридорах шахты крайне неудобно. Возможно, что-то сохранившееся в их извращенном сознании еще из прошлых жизней говорило им о зле, которое много веков было заперто в этом подземелье.

Следом за эльдарскими воинами вышагивало целое подразделение солдат ПСС, оно-то и замыкали колонну. В этом строю шагал Вендаре Талун, понуро опустив плечи и устало вытирая пот с лица.

Воздух в шахте был спертым, ее стены через равные промежутки были увешаны щитами с предупреждениями об опасности ядовитых газов и взрывов, и рядом с каждым из этих щитов с ржавых крюков, торчащих из скалистых стен, свисали маски респираторов.

Процессия все дальше углублялась в шахту, и поначалу окружавшие злодеев обнаженные скалы Павониса постепенно сменились гладкими наклонными стенами, которые сходились над их головами на четырехметровой высоте.

Казимир де Валтос на минуту задержался в квадратном помещении, в одной из стен которого находилась огромная дверь, так долго преграждавшая ему вход в это место. Кровь от возбуждения закипала в жилах де Валтоса, руки его дрожали от нетерпения, но он, усилием воли сдержав эту дрожь, уважительно поклонился четверем безжизненным стражам в затененных нишах. Глаза изваяний сверкали, но если они и испытывали негодование по отношению к незванным гостям, то никак его не проявили.

Сейчас от двери оставалось лишь два огромных ржавых косяка в стене, и де Валтос ощутил внутри комнаты присутствие некоей могущественной силы. Его руки и ноги задрожали, но он

всеми силами старался держать себя в руках перед лицом приближающейся судьбы. Здесь лежит спящий бог, и в порывах затхлого ветра из его усыпальницы де Валтос ощущал запах минувших веков.

Архонт Кешарк вплотную подошел к де Валтосу.

— Почему мы ждем, человек? Добыча внутри, не так ли? — прорычал эльдар. Голос чужака булькал и скрежетал, а после ранения, которое нанес ему Уриэль, разобрать его слова стало вообще почти невозможно.

— Разумеется, Архонт Кешарк.

— Тогда чего же мы ждем?

— Разве ты не чувствуешь? — спросил де Валтос. — У тебя нет ощущения, что мы стоим на грани величия? Разве ты не чувствуешь, не понимаешь, что после того, как мы войдем туда, ничто уже не будет таким, как прежде?

— Все, что я понимаю, так это то, что мы теряем время. Астартес вернули себе того, кого называют Барзано, и нам не следует оставаться здесь дольше, чем нужно. Если добыча внутри, нам следует взять ее и уходить.

— У тебя нет души, Кешарк, — прошептал де Валтос.

В сторону Ультрамаринов пронеслась первая ракета и разорвалась среди воинов взвода Ниваниуса, и ее огненно-белые осколки разлетелись во все стороны. Два воина упали, но через несколько секунд снова поднялись на ноги.

Эхо взрыва не успело затихнуть, как со стороны комплекса шахты зарокотали выстрелы. Прыгнув за одну из широких выхлопных труб шахты, Уриэль попытался прикинуть, какие силы противостоят Ультрамаринам. Исходя из количества вспышек огня, вырывающегося из стволов, он предположил, что по ним стреляют порядка двухсот стволов.

Защитники шахты выбрали прекрасное расположение — своим огнем они закрывали все подходы к комплексу. Уриэль мрачно улыбнулся: его решение атаковать шахту себя оправдало.

Но теперь ему и его людям предстояло атаковать противника, значительно превосходящего их численно, хорошо окопавшегося выше Ультрамаринов по склону. А если еще принять во внимание, что местность, на которой Уриэлю и его людям предстояло принять бой, была практически лишена какой бы то ни было растительности, работа Космическим Десантникам предстояла тяжелая. Это сражение могло занять достойное место среди самых легендарных битв Ордена. Но легенды хорошо слушать или читать, а самому встретиться с противником при таком раскладе — совсем другое дело.

Люди Уриэля, кое-как укрывшись за редкими низкими кустами, вступили в перестрелку. В Кодексе Астартес точно излагалась тактика, которой следовало придерживаться в таких ситуациях, но сейчас Ультрамарины не обладали ни необходимой техникой и оружием, ни временем, чтобы следовать страницам Кодекса. Да и самих Ультрамаринов было мало. Очень мало.

В нескольких шагах от Уриэля из-за вентиляционной решетки вырвалось облако дыма, обдав капитана едкой вонью и горячим пеплом. Закашлявшись, Вентрис сплюнул гарь и копоть, попавшие ему в рот, и, пока он вытирал лицо, специальная железа, вживленная в заднюю часть гортани Ультрамарина, определила их химический состав.

Это была обжигающая смесь различных серных газов, смертельных для обычного человека, но для Космического Десантника — просто раздражающих. Уриэль обхватил горячую, покрытую пеплом трубу и, выдавив из нее решетку и отбросил ее в сторону, заглянул внутрь.

Из трубы шла жаркая горькая вонь. Усиленное зрение Уриэля смогло проникнуть в эту парящую тьму лишь на сотню метров, но капитану все-таки удалось разглядеть проход, ведущий вниз под небольшим углом к поверхности горы. В голове у капитана Ультрамаринов моментально созрел дерзкий план. Нажав на кнопку радиопереговорного устройства, он связался с сержантом Дардино.

— Проклятие! — воскликнул майор Хелиос Бек-стор тридцать третьего Тармиганского полка ПСС, увидев, как воины-Ультрамарины в синих доспехах залегли среди скал тремястами метрами ниже его позиций.

Он слишком рано отдал приказ открыть огонь и теперь проклинал свою нетерпеливость. Но кто бы стал его винить? Одной только мысли о противостоянии Космическим Десантникам было достаточно, чтобы вселить страх в души даже самых мужественных людей, а майор Бекстор был не настолько глуп, чтобы относить к таковым и себя.

Отчаянным храбрецом он, конечно, не был, зато был компетентным, и опытным командиром, а потому не мог не понимать, что его оборонительные позиции надежны. Шахту защищали два стрелковых подразделения и минометный взвод. Майор изредка задумывался о том, почему это ничем не примечательное место требует столь серьезной защиты. Эпоха торговых войн миновала несколько веков назад, так кому бы понадобилось сейчас атаковать простую горную шахту? Впрочем, Бекстор гнал от себя эти мысли — не его ума это дело. Он знал, что гилдер де Валтос доверил ему безопасность объекта, и этого знания ему достаточно.

Майор понаблюдал за скалами еще несколько минут, но на склонах больше не было видно никакого движения.

Хелиос Бекстор по радиации связался со своим минометным взводом и приказал:

— Следите за группами, открыть залповый огонь. Цели — в двухстах с небольшим метрах. Огонь на поражение!

Через несколько секунд Уриэль услышал глухое буханье минометов и увидел взлетевшие вверх мины. Мины описали в воздухе дугу, но уже в момент, когда они находились в верхней точке своей траектории, Уриэль понял, что они разорвутся в нескольких метрах перед Ультрамаринами.

— Берегись! — крикнул он.

Взрыв сотряс всю гору. Не успело замереть эхо первого залпа, как за ним последовал следующий. Мины разрывались с такой силой, что, казалось, еще немного, и кости Ультрамаринов выскочат из своих суставов; от каждого разрыва во все стороны летели завывающие осколки и острые лучи фосфоресцирующего света. И без того раскаленный горный воздух наполнился шквалом каменных обломков и шрапнелью.

Снаряды приземлялись один за другим, цепь их разрывов медленно, но неуклонно приближалась к Ультрамаринам. Когда земля вновь содрогнулась от очередных ударов, Уриэль буквально вжался в каменный склон горы. У Ультрамаринов не было выбора — нужно было ждать сигнала Дардино, принимая условия игры, навязанные им командующим войсками противника. Продвигаться вперед сквозь плотную завесу минометного огня навстречу вражеским винтовкам было равносильно самоубийству, и у капитана Вентриса не было никакого желания завершать свою карьеру командира таким образом.

После каждого разрыва в небо взмывали языки пламени, а в каменном склоне появлялась еще одна огромная воронка, из которой тут же начинал валить густой дым. Уриэль уловил в этом дыме запах прометия и в изумлении нахмурился. Зажигалки? Их командир, он что, спятил? Эти мины в бою против легко оснащенных войск были идеальны, там они посеяли бы хаос и панику, но для воинов в силовых доспехах они не опаснее, чем горошина для танка. Впрочем, удивляться было нечему — силами противника командовал кто-то из ПСС, и почти наверняка он не имел опыта боевых действий против Космических Десантников.

Тем временем огромные столбы черного дыма продолжали подниматься над горящими разливами топлива. Они медленно плыли в потоке горного ветерка, скрывая сражающиеся стороны друг от друга. В результате непрофессиональных действий мятежников Ультрамарины получили прикрытие, которого так сильно желали.

Сержант Дардино пробил кулаком стальную вентиляционную трубу и легко отогнул в стороны рваные края образовавшегося отверстия. Дневной свет залил ребристую трубу, и сержант высунулся наружу с болтером наготове — на тот случай, если кто-нибудь присматривает за этим концом вентиляционной трубы.

Перед собой он увидел множество кабелей, уходящих вниз, в темноту, и балки из адамантума, которые перекрывали шахту по всей ширине, поддерживая подъемное приспособление и дюжины толстенных вентиляционных труб, подобных той, из которой он только что вылез.

Дардино опустил на огромную балку из адамантума, к которой была прикручена вентиляционная труба, и дал знак остальным воинам своего отделения следовать за ним. Один

за другим Ультрамарины вылезли на балку. Их доспехи почернели от выхлопных газов трубы. Руны в визоре шлема Дардино сообщили ему, что и его респиратор сильно засорен.

Воины находились глубоко внутри цилиндрического ствола шахты, откуда небо казалось им ярким диском, сияющим метрах в пятистах над их головами. Слишком далеко для прыжковых ранцев.

Дардино осторожно продвинулся по балке, стараясь не смотреть в непроницаемую темень шахты, зная, что та уходит вниз более чем на девять тысяч метров. Вложив болт-пистолет в кобуру, он повернулся к девяти воинам своего отделения.

— Есть только один путь наверх. Следуйте за мной! — приказал он и, прыгнув в центр шахты, ухватился за кабели, свисавшие с почти полукилометровой высоты — с выступа кратера на поверхности холма.

Подтягиваясь на руках, Дардино и его люди начали подниматься на поверхность.

Поднявшись из укрытия во весь рост, Уриэль воскликнул:

— Воины Императора, вперед!

С этими словами он помчался вверх по склону. Фибромускулы и сервомоторы силовых доспехов несли его вперед с устрашающей скоростью. С боевым ревом Ультрамарины, перепрыгивая лужи горящего топлива, бежали за своим капитаном, скрытые от глаз противника дымом зажигательных мин.

Мины продолжали сыпаться сверху, но большинство из них разрывались позади Космических Десантников — вражеские артиллеристы были не в состоянии так быстро корректировать огонь.

Уриэль слышал потрескивание лазерных выстрелов и рокот более тяжелого оружия, но действия противника были хаотичными и нескоординированными. Один из летевших в его сторону снарядов задел край наплечника Уриэля, но большая часть боезапасов противника проносилась над головами Ультрамаринов. Стреляя вниз по склону горы, большинство вражеских солдат брали слишком высоко.

Вылетев, словно гигантская птица, из облака дыма, Уриэль прищурился от неожиданно яркого света. Десантников встретил яростный оружейный огонь, снаряды защелкали по их доспехам, несколько воинов далее упали, но все они тут же поднялись и бросились вперед.

Сержанта Неваниуса, ветерана кампании на Тресни, поразила ракета, и его могучий торс исчез в малиновой вспышке. Группу Десантников из взвода сержанта Элэрны накрыло огнем автоматической пушки. Упали четверо, а поднялись на ноги только двое из них.

Один из уцелевших Ультрамаринов лишился правой руки, но продолжал продвигаться вперед, подобрав пистолет левой рукой и стреляя на бегу.

— Развернуться, не группироваться! — крикнул Уриэль, когда автоматическая пушка зарокотала вновь.

Майор Бекстор воинственно поднял сжатую в кулак руку и с силой рубанул ею по воздуху, когда увидел, что автоматическая пушка, стрелявшая по наступающим воинам из-за бруствера, нанесла Ультрамаринам изрядный урон.

Это сражение было его боевым крещением, и майор начинал получать от него ни с чем не сравнимое удовольствие. Они сдерживали Космических Десантников! Он даже не придал значения тому факту, что сейчас перед его позициями Ультрамаринов было значительно меньше, чем он видел на склоне холма. Может, тогда это был оптический обман?

Бекстор приписал этот странный факт тому состоянию ужаса, в которое его привел сам факт появления Космических Десантников, их огромные размеры и грозный вид. Но теперь майор уже привык к их виду, и Ультрамарины больше не казались ему такими уж устрашающими. Как бы то ни было, а об этой битве люди десятилетиями будут рассказывать легенды в полковой столовой.

Бекстор потянулся за очередной батареей, улыбнувшись молодому солдату, что оказался рядом.

— Скоро выпроводим этих засранцев, а сынок? — пошутил он.

Юноша ничего не успел ответить своему командиру, потому что через секунду его голова разорвалась, окатив Бекстора кровью и мозгами. Майор в ужасе отшатнулся назад, потрясенный жуткой смертью солдата. Потеряв равновесие, он свалился в окоп, пребольно шлепнувшись на плотно утрамбованную землю. Повернувшись в ту сторону, откуда прозвучал выстрел, майор увидел, как из жерла шахты выпрыгивают исполинские фигуры и начинают методично расправляться с его солдатами.

Перемазанные сажей гиганты обрушились в траншею на его людей как удар молнии, надвое разрубая ополоумевших от ужаса людей цепными мечами или всаживая в их тела разрывные болты.

Майор перекатился на бок, чувствуя, как течет кровь из царапины на лбу, и рыдая от ужаса при виде кошмарных существ, появившихся из недр его планеты. Грохочущие выстрелы разрывали его людей на куски, а мечи, наверняка выкованные в глубинах Хаоса, рубили и рубили, лишая кого конечностей, а кого сразу жизни.

Люди вокруг майора вопили и умирали, умирали и вопили. Бекстор с трудом заставил себя подняться на ноги и подобрал упавший лазган. Со всех сторон его окружала смерть, но он

покаялся, что даже если и погибнет сам, то заберет с собой в ад хотя бы одного из этих дьяволов.

Тут он услышал позади себя какой-то грохот и обернулся. Из дыма появилась черная фигура, лицо закрыто маской в виде ухмыляющегося черепа. Исполин взмахнул руками, высоко над головой подняв золотое оружие. Бекстор почувствовал, что его колени подкашиваются от ужаса, он был не в силах оторвать взгляд от распростершего крылья орла на верхушке золотого жезла, который держал гигант в черных доспехах.

Майору показалось, что глаза орла сверкнули алыми каплями крови, и в тот же миг оплетенное струящейся энергией лезвие разрубило его надвое.

Вирджил Ортега, сражаясь с болью в поломанных ребрах, стрелял из-за двери по солдатам ПСС. Коридор перед арсеналом, заваленный мертвыми телами, был затянут дымом, и противники вели огонь вслепую. Снаряды в обоих направлениях проносились в зловонном синем кордитовом тумане в поисках своей жертвы.

Двуствольная автоматическая пушка оказалась не столь полезной, как надеялись арбитры. После первого же выстрела чудовищная отдача сорвала пушку с платформы и разнесла большую часть баррикады. Однако она все же принесла короткую передышку в схватке, поскольку солдатам ПСС не очень-то хотелось выходить один на один с таким грозным оружием. Прошло несколько минут, пока они наконец не поняли, что пушка больше не представляет для них угрозы.

Тем временем Колликс и Ортега оттащили двух оставшихся в живых арбитров внутрь арсенала. Теперь, когда баррикада почти полностью разрушена, удерживать коридор стало невозможно.

Ортега швырнул за дверь пару гранат, отпрянув назад, когда взрывы наполнили проход шрапнелью и воплями.

Приблизившись к Ортеге, Колликс протянул ему брезентовый ранец, наполненный патронами для дробовика и магазинами для болтера.

— По крайней мере никакого недостатка в боеприпасах, — проворчал Ортега.

Колликс кивнул:

— И трусливых предателей, против которых их применять.

Ортега усмехнулся и с трудом поднялся на ноги, услышав из-за дверей арсенала приглушенные крики.

— От правосудия Императора не уйти даже в смерти! — крикнул он нападающим,

поморщившись от боли, пронзившей его переломанные ребра.

Арбитры поспешили назад, к баррикаде, наскоро сооруженной из опустевших ящиков из-под боеприпасов и опрокинутых стоек, и заняли позиции в ожидании неизбежной очередной атаки. За баррикадой ими заранее было в изобилии разложено всевозможное оружие и боеприпасы к каждому из них. Лазганы, стабберы, две пусковые ракетные установки, гранатомет, лазерная пушка и шесть тяжелых болтеров.

Набор оружия действительно был впечатляющим, но с учетом того, что в живых осталось лишь четверо арбитров, от всего этого великолепия толку было немного. В тридцати метрах позади обороняющихся арбитров их уцелевшие товарищи не покладая рук трудились над тем, чтобы как можно скорее подготовить арсенал к уничтожению. Без детонаторов большая часть найденной ими взрывчатки была бесполезной, но время, которое было куплено ценой жизни их товарищей, не пропало даром.

В разных местах по всей пещере они сложили горами открытые ящики боеприпасов, разместив в центре каждого такого штабеля связку гранат с вытасненными предохранителями. От механизмов приведения взрывателей гранат в действие арбитры протянули провода к комплекту батарей от рации.

Через несколько минут у них все будет готово для того, чтобы пусть примитивно, зато надежно обеспечить возникновение цепной реакции, от которой все боеприпасы в этой пещере — все до последнего патрона — взлетят на воздух.

Зал бога оказался гораздо меньше, чем его представлял себе Казимир де Валтос, но ощущение покоящейся в нем силы было колоссальным. Стены зала сходились вверху его в одной точке. Под ней, в центре зала, и покоилось прямоугольное тело из гладкого черного обсидиана, величественное в своем одиночестве. В основании каждой стены была оборудована прямоугольная ниша, а в каждой из них стояла скелетообразная фигура, идентичная тем, которые рабочие извлекли из внешней комнаты, прилегающей к спальнице, несколько месяцев назад.

Этот зал впечатлил, похоже, даже эльдара и Вендаре Талуна, которые в изумлении смотрели на это чуждое не только людям, но и эльдарам сооружение, скрытое от всех в глубинах Павониса на протяжении шестидесяти миллионов лет.

— Это изумительно! — выдохнул де Валтос, подходя к одной из ниш.

Скелетообразный воин, стоящий в ней, был таким же безжизненным, как и те, что находились в его доме, блеск его доспехов был приглушен пятнами патины. В отличие от тех воинов, которыми уже владел де Валтос, эти держали в своих мертвых руках странного вида оружие, стволы которого были покрыты пылью. Эта картина просто зачаровывала де Валтоса, ему страшно хотелось узнать как можно больше об этих странных существах. О, скоро он будет знать все! Скоро он избавится от кандалов смертности.

Как бы созерцание этих воинов ни воодушевляло де Валтоса, центральный саркофаг обладал для него прямо-таки адским притяжением, и Казимир направился к нему через весь зал. Он шел, и гулкое эхо разносило звук его шагов по всему подземелью.

Саркофаг был огромен, полных пять метров в длину, и, приблизившись к нему вплотную, де Валтос разглядел, что его поверхность вовсе не гладкая! — она оказалась испещрена руническими символами и покрыта углублениями четкой формы. Сердце Казимира де Валтоса забилося, когда он понял, что точно такие же знаки он видел под развалинами Цтелмакса.

Те самые руны, в поисках которых он прочесывал весь сектор с того дня.

От саркофага к нишам в стенах лучами расходились желобы, выбитые в полу. Желобы были не прямыми — они изгибались в замысловатом, но четком геометрическом узоре.

Кешарк встал рядом с де Валтосом и поднял забрало своего шлема. Несмотря на неподвижность лица Архонта и грубо зашитую сквозную рану на его щеке, де Валтос разглядел в глазах чужака возбуждение.

— Ты ведь тоже чувствуешь это, не так ли? — прошептал он.

Кешарк презрительно усмехнулся, стараясь этой усмешкой скрыть свои чувства от человека, и покачал головой:

— Я хочу лишь закрепить устройство и убраться отсюда.

— Ты лжешь, — медленно произнес де Валтос. — Я вижу это по твоим глазам. Ты хочешь этого так же сильно, как хочу я.

— Разве это имеет значение? Давай займемся делом.

Де Валтос угрожающе поводит пальцем перед носом эльдара и махнул головой в направлении серебряного ящика, который несли его воины:

— Прекрасно. Отдай мне то, что ты добыл для меня, и я раскрою ключ к оружию.

Выдержав взгляд де Валтоса, Кешарк отрывисто кивнул. Воины вынесли серебряный ящик вперед и поставили его перед своим предводителем. Кешарк открыл ящик, не отрывая взгляда от де Валтоса, и спросил:

— Почему я должен доверять тебе?

— Ты можешь доверять мне так же, как я доверяю тебе, мой дорогой Кешарк.

Де Валтос видел, как чужак напрягся, удерживая руку, потянувшуюся было к пистолету, но понимал, что эльдар не осмелится выстрелить. По крайней мере до тех пор, пока он не вызовет из призрачного царства Смерть Миров.

Силами древней магии прикованный к Павонису, этот корабль многие миллионы лет оставался кораблем-призраком.

Де Валтос знал, что сегодняшней день увидит его новое рождение и галактика будет оплакивать его второе пришествие.

Колликс умирал. Осколки гранаты вырвали у него кусок мяса из живота, и внутренности сержанта вывалились на пол арсенала. Прислонившись к баррикаде, Колликс продолжал стрелять из тяжелого болтера, хотя отдача заставляла его рычать от боли при каждом выстреле. С Ортегой дела обстояли не многим лучше: его левая рука безжизненно свисала вдоль тела — лазерный луч почти отсек ее у локтя.

Вирджил Ортега стрелял и перезаряжал свой дробовик одной рукой, выкрикивая слова Литании Справедливости мятежникам, ошарашенным и напуганным героическими действиями арбитров.

В конце концов взрывчатка была установлена, и теперь дело оставалось за малым. Дороги назад не было. Вирджил надеялся, что они смогут продержаться здесь достаточно долго, дожидаться, пока верноподданные войска выручат их, но теперь эти надежды растаяли окончательно.

Они остались вдвоем: он и Колликс. Остальные арбитры были мертвы, убиты во время последней атаки, и теперь все зависело от него и сержанта.

Ортега часто думал о том, как и когда наступит его смерть, и теперь, когда она была совсем близко, он вдруг понял, что ее не следует бояться, ее нужно просто принять. Рано или поздно праведный гнев Императора обрушится на тех, кто думал, что может попирать Его законы.

Вирджил Ортега слышал, как командиры мятежников собирают своих людей для очередной атаки. Колликс молча заправлял очередной магазин в дымящуюся казенную часть болтера, лицо сержанта было мертвенно-бледным, нечеловеческая боль исказила его до неузнаваемости. Магазин выскальзывал из его залитых кровью рук, и Ортега, орудия уцелевшей рукой, подполз, чтобы помочь своему сержанту.

— Благодарю, сэр, — кивнул Колликс, закрывая затвор. — Никак не мог это сделать.

— Ты все сделал правильно, сержант.

Колликс услышал в словах Ортеги больше, чем одобрение его сегодняшних действий, эти слова командира подвели итог под всей жизнью сержанта Колликса.

— Значит, пора? — произнес он.

— Думаю, да.

Сержант, кивнув, поднял тяжелый болтер и выпрямился, насколько позволяло ему израненное тело. С трудом отдав честь, он сказал:

— Служить под вашим командованием было для меня честью, сэр.

Вирджил в ответ отдал честь Колликсу и крепко пожал его протянутую руку. Тот кивнул Ортеге. Вирджил улыбнулся краешком губ:

Сержант, кивнув, поднял тяжелый болтер и выпрямился, насколько позволяло ему израненное тело. С трудом отдав честь, он сказал:

— Служить под вашим командованием было для меня честью, сэр.

Вирджил в ответ отдал честь Колликсу и крепко пожал его протянутую руку. Тот кивнул Ортеге. Вирджил улыбнулся краешком губ:

— Из тебя вышел бы отличный офицер, арбитр Колликс.

— Я знаю, — ответил Колликс. — Я думал, через четыре года я стану капитаном арбитров. Во всяком случае таков был мой план.

— Через четыре? Возможно, через шесть. Думаю, Шарбен задала бы тебе жару в этих гонках по служебной лестнице.

Колликс кивнул:

— Может быть, но подумайте о том, как сегодняшние события повысят шансы на мое быстрое продвижение.

— Хорошая мысль, — признал Ортега. — Напомни, чтобы я замолвил словечко перед шефом, когда мы выберемся отсюда.

— Да, сэр.

Затем их лица вновь помрачнели, и Ортега сказал:

— Только добудь мне немного времени, чтобы взорвать это.

Кивнув, Колликс упер приклад болтера в плечо и навел его на широкие двери арсенала.

Вирджил Ортега шагнул к рации и батареям. Резкие залпы болтеров и шипение лазганов возвестили о начале следующей атаки, но он не смел оглядываться.

Вокруг него полыхали вспышки лазерного огня, один луч задел его бедро. Он вскрикнул от боли, и тут еще один выстрел поразил его между лопаток, и Ортега упал на пол. Сильно ударившись раненой рукой, он покатился, изо всех сил стараясь не потерять сознание от объявшей его тело мучительной боли.

Ортега слышал, как Колликс в гневе пытается перекричать грохот пальбы, но сейчас Вирджил Ортега думал только об одном: всем своим израненным существом он желал, чтобы сержант дал ему еще хоть немного времени. Он пополз к рации, оставляя на каменном полу за собой алую полосу.

Мощный взрыв осыпал его деревянными щепками, осколками металла и камня. Мятежникам из ПСС удалось наконец втащить сюда какое-то тяжелое орудие, и теперь от баррикады остались лишь дымящаяся груда искореженного металла вперемешку с мертвыми телами.

Солдаты ПСС, возбужденные долгожданной победой, начали заполнять помещение арсенала.

Ортега зарычал и, помогая себе здоровой рукой, подтянулся вперед.

Еще один лазерный луч поразил его в спину.

Ортега обхватил руками рацию, и шквал лазерных выстрелов пронзил его доспехи и разорвал его тело на части.

Последнее, что успел сделать Вирджил Ортега перед смертью, — нажать на руну запуска рации, послав по изолированным проводам к детонаторам из шестидесяти гранат энергетический импульс.

Вирджил Ортега был уже мертв, когда первая взрывная волна достигла его тела, но результаты взрыва оказались куда более впечатляющими, чем он мог надеяться.

В считанные секунды после того, как цепь была замкнута, гранаты, которые он со своими людьми разложил по арсеналу, взорвались, а вместе с ними и огромные запасы оружия и боеприпасов, складированные под дворцом.

Не успели еще затихнуть первые взрывы, как началась смертоносная цепная реакция.

Тепловые и вибрационные датчики наверху зарегистрировали взрывы и начали процесс локализации, но детонация нарастала с неимоверной скоростью, так что совладать с мощными разрушительными силами, которые выпустил на волю Вирджил Ортега, было уже невозможно.

Сначала обитатели Врат Брэндона решили, что их вновь бомбардирует крейсер «Горе побежденному», и в страхе ожидали, что с неба посыплется очередная порция магматических бомб.

Взрыв чудовищной силы сотряс дворец. Да что там дворец — весь город. Его улицы и дома, сады и площади заходили ходуном, будто сам Павонис оказался во власти неистового землетрясения. Из трещин, которые в считанные секунды покрыли улицы города, в небо взмыли фонтаны пламени, и целые городские кварталы погрузились в небытие. Пламя поглотило здания, людей и даже танки, стоявшие на улицах города.

Снаряды, много лет тихо и мирно хранившиеся в арсенале, разом взмыли в воздух, и их разрывы издали можно было бы принять за праздничный фейерверк, если бы не паника, которая в считанные секунды охватила весь город. Люди кричали, дома рушились... Нет, все-таки это зрелище больше походило на конец света. Командующие вооруженными силами картелей ударились в панику, решив, что их войска подверглись очередной атаке — то ли со стороны Императорских сил, то ли конкурирующих картелей. В итоге на улицах Врат Брэндона разгорелись кошмарные танковые батальи — это дали о себе знать десятилетия интриг и политических распрей.

Танки картеля Верген открыли огонь по танкам Аброгаса; те же в свою очередь атаковали бронемашину де Валтоса, которые не жалели снарядов, сжигая один за другим танки Хонана. Началась такая заваруха, в которой каждый считал своим долгом уничтожить любого, кто только попадался под руку. В этой сумятице командующим войсками понадобилось более часа, чтобы восстановить контроль над ситуацией. Все бы ничего, но когда спокойствие было наконец восстановлено, более пятидесяти танков уже полыхали ярким пламенем.

Остатки здания базы Адептус Арбитрес рухнули с оглушительным грохотом, и огромные куски роккрита полетели во все стороны. Площадь покрылась огромными трещинами, в которые полетели обломки стен, карнизов и крыши. Двигатели танков ПСС бешено взревели — люди старались во что бы то ни стало покинуть опасную зону, но все их усилия были тщетны.

Скульптуры на площади Освобождения закачались на пьедесталах, и все, кроме статуи Императора, рухнули на площадь.

Губернаторский дворец сотрясся до основания, когда адской силы взрыв прогремел в его подвалах. Дворец был спроектирован с учетом, казалось, всех возможных опасностей, но только не этой. Крылья дворца складывались одно за другим, словно карточные домики, погребая под мраморными обломками мятежные подразделения ПСС.

Между базой Адептус Арбитрес и дворцом разверзлась огромная трещина, и часть оборонительной стены ухнула вниз — в полыхающий ад уничтоженного арсенала. Исполинские языки пламени взмыли в небо, а следом за ними поднялся гигантский столб дыма. Всего за несколько секунд Врата Брэндона превратились в развалины.

Так одним движением руки Вирджил Ортега, принеся себя в жертву, лишил мятежников крупнейшего запаса оружия и боеприпасов на Павонисе.

Уриэль напряженно вглядывался в темноту шахты, этой стометровой ширины раны на поверхности планеты, когда к Ультрамаринам подлетели два «Громовых Ястреба». По окружности шахты располагались массивные краны, над которыми возвышался кронштейн подъемника, предназначенного для доставки в шахту и подъема на поверхность рабочих и различных механизмов.

В недра планеты по широким рельсам опускались огромные вагоны канатного подъемника, в каждом из которых могло уместиться более сотни человек.

Лебедка и кабина управления этого подъемника, находившиеся на центральной паре балок, висели над бездной, и от лебедки тянулись вниз гроздь толстых кабелей.

Когда лазутчики Дардино ворвались в оборонительную траншею позади мятежников, те были обречены. У солдат, зажатых между двумя отделениями Ультрамаринов, словно между молотом и наковальней, не оставалось никаких шансов.

Уриэль с восхищением смотрел, как бесстрашно сражаются его люди, и сердце капитана Ультрамаринов наполнило чувство гордости. Космические Десантники отважно следовали за своим командиром, и, казалось, никакие преграды не могли остановить их движение, ни один враг не был в состоянии противостоять их силе и мужеству. Космические Десантники шли за своим капитаном, не задавая вопросов и демонстрируя такой боевой пыл, что враги трепетали только от одного их вида. Для Уриэля было честью командовать такими воинами.

Первый «Громовой Ястреб», завывая, приземлился, подняв облако пыли и выхлопных газов; и, как только двигатели челнока начали снижать обороты, передний пандус челнока опустился.

Арио Барзано и с ним еще несколько человек вышли навстречу Уриэлю. Лицо инквизитора светилось в предвкушении большой охоты. Перед решающей схваткой он вооружился плазменным пистолетом и энергетическим кинжалом.

— Отлично, Уриэль, отлично! — радостно улыбался он, оглядывая шахту и подъемник.

— Благодарю, инквизитор, но мы еще не закончили.

— Нет, конечно нет, Уриэль. Но ведь уже скоро, да?

Уриэль кивнул. Азарт инквизитора передался и ему. Он крикнул своим воинам:

— Возьмите с челноков оснащение для спуска на крюках. Скорей!

— Для спуска на крюках? — удивился Барзано. — Это несерьезно, Уриэль, это же почти десять километров вниз! Слишком глубоко, чтобы использовать канаты. — Он указал на подъемник для рабочих. — А как насчет этого? Мы ведь можем воспользоваться этим?

Уриэль отрицательно покачал головой:

— Нет, мятежники наверняка расставили внизу своих людей. Любого, кто отправится вниз в этом гробу, либо выкинут на полпути, либо расстреляют, лишь только он опустится вниз.

— Так как же ты собираешься спуститься?

Положа инквизитору руку на плечо, Уриэль направился с ним к «Громовому Ястребу», где Ультрамарины спешно отстегивали от канатов черные металлические цилиндры.

— Мы используем это, — сказал Уриэль, сняв с каната одно из устройств. Эта штукавина выглядела как обыкновенный металлический цилиндр с матерчатой петлей для руки на внешней поверхности и широким зубчатым пазом, пробитым по всей его длине.

Приспособление легло в ладонь Уриэля как влитое, и, когда он сжал кулак, зубья центрального паза втянулись внутрь цилиндра. Уриэль ослабил хватку, и они выскочили обратно.

— Мы применяем это устройство для скоростных спусков там, где не можем использовать прыжковые ранцы. Прикрепив их к кабелям подъемника, мы спустимся в шахту. Только так мы сможем напасть на врагов неожиданно.

— Прodelать путь в десять тысяч метров на одной руке?... — Уриэль кивнул и криво усмехнулся. — Ладно вы, Ультрамарины, а как вы предложите спуститься мне?

— Вы тоже собираетесь туда?

— Разумеется! Неужели вы думаете, что после всего, что произошло, я упущу возможность посмотреть, как вы разберетесь с де Валтосом?

— Хорошо, — ответил Уриэль и подвел инквизитора к подъемнику для рабочих. — Но в таком случае вам придется присоединиться к нам позже. Ждите здесь. Я надеюсь, что спуск в десять километров займет у нас не более пяти минут. Так что ровно через триста секунд погружайтесь в подъемник. В конце концов всем нам потом придется как-то выбираться на поверхность, так что подъемник будет очень кстати.

Барзано явно не привлекала идея спуститься в шахту в кабине подъемника, но он понимал, что для него нет другого способа оказаться на дне. Но и воспользоваться методом Космических Десантников он тоже не мог. С видимой неохотой инквизитор кивнул Уриэлю.

— Хорошо, капитан, — задумчиво произнес Барзано, расстегивая кобуру пистолета, — пусть будет так. Вы отправляетесь немедленно?

— Да! — рявкнул капитан Вентрис. — Пора кончать со всем этим.

Итак, Ультрамарины будут спускаться четырьмя группами с перерывом в пять секунд. Размышляя, Уриэль сидел на центральной балке рядом с массивным колесом лебедки, свесив ноги над кромешной тьмой.

Он во главе первой группы воинов спустился с балки, сжал в кулаках приспособления для спуска и, примериваясь, провел ими вдоль одного из кабелей подъемника. Капитан Ультрамаринов был готов к отправлению.

Уриэль облизал внезапно пересохшие губы. Теперь, когда до начала спуска оставалось лишь несколько секунд, у него внезапно закружилась голова. Бросив взгляд через плечо на Арио Барзано, который уже занял место в кабине подъемника, он отдал инквизитору честь.

Барзано отсалютовал в ответ.

Уриэль оглянулся по сторонам, чтобы окончательно убедиться, что первая группа готова к спуску.

Сделав глубокий вдох, он воскликнул: «Пошли!» — и бросился в глубины планеты.

Металл на ощупь был теплым, мягким и податливым, хотя Казимир де Валтос знал, что он прочнее алмазита. Де Валтос вытянул руки вперед, пошевелил пальцами, словно разминая их, и благоговейно взял из ящика первый кусок металла. С полминуты он вертел его в руках, внимательно разглядывая каждый сантиметр переливающейся поверхности. В поисках этих фрагментов де Валтос провел не один год своей жизни, и теперь, когда он не просто видел их перед собой, но и держал в руках, у него от волнения перехватило дыхание.

Нехотя оторвав взгляд от куска металла, де Валтос повернулся к саркофагу, словно притягиваемый силой, исходившей из него. Силу эту чувствовал и металл. Де Валтос даже своими лишенными чувствительности пальцами ощутил, как предмет в его ладонях подергивается, и с изумлением увидел, что его поверхность стала мягкой и даже жидкой, подобно ртути. Держа мерцающий металл на вытянутых руках перед собой как подношение, де Валтос сделал робкий шаг к саркофагу. В этот миг странная мысль пронеслась в его голове: кто из них двоих — он или металл — испытывает к саркофагу большее тяготение.

Тем временем металл принял форму плоского круглого диска с зазубренными краями. Этот диск можно было бы назвать зубчатым колесом, если бы зазубрины на краях были идеальной формы.

Де Валтос увидел отражение этого диска на блестящей поверхности саркофага, обращенной к нему, и, опустившись перед саркофагом на колени, прижал металл к его поверхности. Тот плавно перетек с его пальцев и легко скользнул в идеально подошедшую его размерам нишу, в которую превратилось отражение диска. Металл, ставший уже совершенно жидким, растекся по поверхности саркофага сверкающими серебристыми дорожками, тонкими струйками по высеченным много веков назад узорам.

Поблескивающие ручейки внезапно замерли, словно повинувшись какому-то внутреннему чувству, и де Валтос интуитивно понял, что ему нужно делать дальше. Он подтащил серебристый ящик к саркофагу, слыша, как куски металла внутри ящика взволнованно бьются друг о друга, словно им не терпится возвратиться к своему создателю.

Когда де Валтос брал в руки очередной кусок, структура металла тут же менялась: он сперва становился мягким и податливым, словно воск, а затем изменял и форму. В считанные секунды кусок некогда твердого металла обретал новые очертания — как раз такие, чтобы войти в следующую нишу на поверхности саркофага. Работая как можно быстрее, де Валтос помещал очередной кусок живого металла в подходящее углубление. Когда следующий фрагмент занимал свое место, ртутные ручейки продвигались еще дальше по базальтовому обелиску, образуя тонкую металлическую паутину на поверхности древнего саркофага.

Наконец де Валтос достал из ящика последний кусок в форме узкого креста с чуть сплюснутой, выгнутой вершиной и обошел саркофаг с другой стороны, отыскивая место для этого фрагмента. Странно, но этот последний кусок сохранял свою первоначальную форму, и де Валтосу никак не удавалось отыскать для него подходящую нишу. Затем де Валтос улыбнулся, поняв наконец, в чем дело, и, встав на цыпочки, обнаружил искомую нишу на толстой плите, служившей саркофагу крышкой. Вытянувшись во весь рост и высоко подняв руки, де Валтос вставил его на место и отступил на шаг назад, любясь красотой переливающегося серебром каменного параллелепипеда. Саркофаг со всех сторон был объят сверкающей паутиной переплетающихся линий живого металла, мерцающего в полутемном помещении таинственным внутренним светом.

— Ну и?... — прошептал Кешарк. — Что теперь?

— А теперь ждем, — ответил де Валтос.

— Чего?

— Второго рождения существа, которое старше самого времени.

— А Смерть Миров? Что с ним? Де Валтос невесело улыбнулся:

— Не волнуйся, дорогой Архонт. Все будет, как я тебе и обещал. Скоро корабль станет нашим. А затем мы...

Тут его голос замер, так как внезапно то ли из саркофага, то ли из глубины самого воздуха раздался тихий монотонный гул, словно забились невообразимо огромное сердце. Перетрусившие солдаты ПСС подняли оружие, а биение зазвучало вновь, на этот раз еще громче.

— Что происходит? — испугался даже Кешарк.

Де Валтос не ответил, поглощенный созерцанием серебристых линий, которые стекли с саркофага и быстрыми ручейками устремились по желобам в полу. Четыре ручейка жидкого серебра побежали из середины зала к нишам в стенах, а четыре понеслись в соседнюю комнату.

Потоки побежали вверх по стенам, затекая в каждую нишу.

Вендаре Талун опустился на колени, с его губ падали слова молитвы Императору.

— Стоять смирно! — рявкнул сержант ПСС, когда несколько солдат попятились к двери.

Воздух был наполнен отзвуками ударов все громче бьющегося сердца, золотой купол комнаты в верхней своей точке потолка начал светиться каким-то призрачным, потусторонним светом, и де Валтос ощутил, как в зал проникает сила прошлых веков.

— Архонт Кешарк, крепко сжав топор, оглядывал помещение в поисках источника устрашающего грохота. Казимир де Валтос сделал несколько шагов вперед, заняв место рядом с саркофагом, и положил бесчувственную руку на его теплую пульсирующую поверхность.

И тут комнату огласил крик ужаса.

Подняв взгляд, де Валтос увидел, как скелетообразные стражи усыпальницы, сделав по одному четкому шагу, вышли из своих ниш, словно кто-то извне управлял движениями этих древних воинов. Неужели они — предвестники существа, которое он пробудил?

Уловив движение и свет у входа в зал, он смотрел теперь, как четыре молчаливых стража из соседней комнаты вошли в усыпальницу; их движения были плавными и неспешными, но в то же время наводящими ужас. Андрогинные лица этих потусторонних существ оставались бесстрастными, но свои странные медные жезлы они угрожающе выставили перед собой.

Из металлических тел всех четырех стражей усыпальницы исходил призрачный свет, пульсирующий в такт гроыхающему сердцебиению, но ни один из исполинов больше не двигался, довольствуясь лишь наблюдением за незванными гостями.

Вдруг по плите, лежащей на саркофаге и служившей ему крышкой, побежала трещина. Она все увеличивалась, и сквозь нее стали просачиваться завитки темного дыма. Де Валтос отшатнулся и рухнул на колени, и тогда его мозг заполнили мысли о смерти и разрушении. Де Валтоса трясло от чудовищного потока боли и страдания, хлынувшего из саркофага.

Постепенно саркофаг, объятый клубами тьмы, начал раскрываться...

18

Они падали все глубже и глубже в недра Павониса, опустившись уже более чем на девять тысяч метров. Уриэль заметил под собой светящуюся точку и приказал Ультрамаринам замедлить падение.

Он ослабил хватку на цилиндре, зубья вгрызлись в толстый проволочный кабель, и в темноте засверкали оранжевые искры. Цифры на счетчике глубины погружения Уриэля замелькали медленнее, а неясный свет внизу постепенно превратился в светильники и освещенный ими кусок тоннеля. Внизу стояли люди, в смятении глядящие вверх на странное зрелище — шипящие искры над головами. Уриэль не дал им времени разобрат, что именно они видят, и, разжав кулак, преодолел последние десять метров в свободном падении.

Он опустил все своим весом на первого солдата, лишив его жизни прежде, чем тот успел понять, что происходит. Затем Уриэль покатился по полу тоннеля, быстро стреляя из болт-пистолета.

Вокруг капитана уже приземлялись другие Ультрамарины и в несколько секунд рассыпались по сторонам, стреляя из пистолетов и размахивая рокочущими цепными мечами.

На дне шахты находились сорок солдат. Все они заняли огневые позиции за мешках с песком, наведя оружие на место приземления вагона-подъемника. Атакующих Ультрамаринов встретил рокот ружейного огня, воздух наполнили снаряды и лазерные лучи. Заклубился дым, из пробитых вентиляционных труб вырывался пар и выхлопные газы.

В три мощных прыжка Уриэль оказался за первой линией мешков с песком, рубя цепным мечом налево и направо. Солдат навел на него лазган. Уриэль рубанул по стволу, а следующим ударом снес с плеч голову солдата. Охваченный кровавым неистовством, он поубивал всех вокруг себя. В сердце Ультрамарина бурлило жестокое удовлетворение. Стреляя и кромсая мечом все, что только попадалось ему под руку, Уриэль уложил десять человек, и в пределах его досягаемости врагов больше не оказалось. Ярости и неожиданности атаки Ультрамаринов сопротивляться было невозможно, и в считанные минуты все защитники шахты были перебиты, а их огневые позиции обернулись для них общей могилой.

Уриэль бурно радовался кровопролитию, и его переполняло желание убивать и разрушать. Он взревел от обуявшей его первобытной ярости, мысленно рисуя картины убийства сотен, тысяч врагов, видя их раскромсанные трупы и мух, пирующих на их окровавленной мертвой плоти. Его единственным желанием было безжалостно убивать пленников и пить их кровь, словно

лучшее вино, и...

Внезапно Уриэль упал на колени, выронив пистолет и меч, а в его обезумевшую голову продолжали вливаться чудовищные образы. Уриэль Вентрис зарычал от гнева, сопротивляясь льющемуся на него потоку грязи, используя для этого всю дисциплину разума, которой овладел во время подготовки.

Постепенно он вытеснил из головы образы смерти и убийства, защищая свой разум от разрушительных мыслей. Капитан Вентрис увидел, что его люди бьются в таком же мысленном сражении, и закричал:

— Отвага и честь! Вы — Ультрамарины! Держитесь! То, что вы сейчас чувствуете, — не ваше! Это принадлежит тому существу, которое мы пришли уничтожить! Боритесь с этим!

Один за другим Ультрамарины собрали волю в кулак, оцепенев от нахлынувших на них ужасающих видений и исполнившись к ним чувством безграничного отвращения.

Уриэль быстро связался по рации с Барзано и увидел, как на пульте управления подъемником замигали огоньки, когда тот начал свой быстрый спуск.

Воины Пазаниуса и Дардино закрыли периметр площадки подъемника, а отделение Венасуса осматривало погибших противников, дабы убедиться в том, что никто не выжил, хотя Уриэль видел, что необходимости в этом нет. Неистовство их атаки подогревалось чуждыми импульсами, и люди, которых они перебили, являли собой лишь окровавленные кучи искромсанной плоти. Уриэль ощущал стыд за учиненную им бессмысленную бойню, и, даже понимая, что действия его и его людей направлялись чуждой силой, он глубоко страдал, узнав, что в глубине души все они способны на такую необузданную резню.

Покачав головой, он стал шепотом читать Литанию Стойкости.

Теперь, когда у него появилось время оценить положение Ультрамаринов, авточувства капитана определили, что уровень горючих газов в воздухе постепенно поднимается. Ружейный огонь и взрывы нанесли повреждения системе вентиляции, и уровень загазованности, не смертельный для Космического Десантника, мог в конечном итоге достичь опасного для обычных людей уровня.

На север, юг, запад и восток вели четыре прохода. Волны безумного, четко осязаемого ужаса шли из входа в восточный тоннель. Уриэль ощущал их в воздухе, чуял их всем своим существом, но не поддавался.

В его мыслях все еще бродили образы насилия и смерти, пыток и увечий. Даже если бы Барзано не сказал ему о существе, спящем под этими горами, Уриэль сразу понял бы, куда нужно идти.

Вентрис стоял у входа в тоннель, изгоняя из своего разума картины сожженных тел, отсеченных конечностей и уничтоженных цивилизаций. Это были не его мысли. Вызывая у него отвращение, они в то же время придавали ему решимости встретиться лицом к лицу с врагом, что ждал его впереди.

Уриэль повернулся к своим людям лишь тогда, когда чувство собственного достоинства окончательно испепелило ненавистные образы в его голове.

— Воины Ультрамара, вы уже доказали, что все вы — неустрашимые и сильные люди, но вскоре мы встретимся с врагом, подобного которому в государстве Императора не появлялось никогда. Даже сейчас вы чувствуете, как он раздирает ваш мозг. Но вы должны быть непоколебимы, сопротивляйтесь тем порывам, которые он пробуждает в вас! Помните, что вы — Космические Десантники, священные воины Императора, и что наш долг перед Ним и нашим примархом дает нам силу, мужество и веру. Эта битва еще не выиграна. Мы должны собраться перед лицом последнего испытания, когда каждый из нас должен заглянуть в себя и узнать подлинные границы своего мужества. Никогда не забывайте, что для Императора важен каждый человек и каждый может изменить ход событий! — Уриэль поднял меч, окровавленный клинок которого отразил свет, испускаемый сферами. — Вы готовы быть этими людьми?

Ультрамарины ответили боевым кличем.

Скоростной подъемник с воем приземлился на дно шахты, и Уриэль опустил меч, когда оттуда вышел Барзано. Инквизитор оступился и поднес руки к вискам. Уриэль вряд ли мог представить себе, каким ужасным было это место для обладающего обостренной чувствительностью инквизитора.

Напрягшись, чтобы отогнать от себя ужасающие образы, так что лицо его покрылось паутиной морщин, Барзано шел к капитану Вентрису.

— Во имя Императора, ты чувствуешь его силу? — прошептал Барзано.

Уриэль кивнул:

— Я чувствую ее. Чем быстрее мы закончим здесь, тем лучше.

— Я тоже так думаю, друг мой, — ответил Барзано, с отвращением уставившись на восточный тоннель. Он нажал кнопку запуска на энергетическом кинжале и вытащил пистолет. — Пора покончить с этим, а, Уриэль?

— За этим мы сюда и пришли, не правда ли, инквизитор?

Борясь с тошнотворной силой, давящей на их разум, Ультрамарины направились к усыпальнице Несущего Ночь.

Черные пальцы с длинными, покрытыми грязью ногтями скользнули на край саркофага, за пальцами по его поверхности заскользили закутанные в саван руки — Несущий Ночь вставал из своей могилы. Казимир де Валтос, улыбаясь, поднялся на ноги. Теперь его голову полнили ужасы, о существовании которых он и не подозревал. Кровь, смерть, страдание, расчленение и мучения, не известные ни человечеству, ни даже эльдарам в течение миллионов лет, до краев наполнили его череп — это было прекрасное чувство.

Солдаты ПСС попадали на пол, вырывая себе глаза, их жалобные крики раздирали воздух — так они пытались выбить все эти кошмары из своих голов. Вендаре Талун потерял сознание, и даже омерзительный эльдар, казалось, был объят ужасом перед величественным существом, которое постепенно появлялось перед их взглядами.

Кешарк схватил Казимира за руку, на лице чужака был восторг.

— Оно поразительно! — выдохнул эльдар.

Казимир торжествующе кивнул, а Несущий Ночь, ухватившись за край саркофага, стал подниматься.

Постепенно его массивная голова показалась над краем могилы, и Казимир де Валтос заглянул в лицо смерти.

Уриэль сопротивлялся волнам ужаса, которые одна за другой накатывали на его разум, и крепко сжимал в ладони рукоять цепного меча. Слыша впереди вопли проклятых, он собирался с силами перед решающим противостоянием. Барзано бежал рядом, бледный, с искаженным от ужаса и гнева лицом.

Тоннель резко пошел вниз, скалы уступили место наклонным стенам из гладкого черного обсидиана. Скорбные вопли, доносящиеся из усыпальницы, терзали разум Уриэля, подпитывая то зло, которое безжалостно и непрестанно колотилось в его сознании.

Капитан Ультрамаринов влетел в квадратное помещение с двумя пустыми нишами по сторонам. Вентрис почувствовал, что источник зла — зала впереди, воздух которой был наполнен миазмами невообразимого зла.

Тактическими уловками здесь ничего не добиться, быстрый, смертоносный натиск — вот что требуется сейчас.

Уриэль ворвался в пирамидообразную залу Несущего Ночь, где царил Хаос.

Солдаты ПСС содрогались в конвульсиях на полу с залитыми кровью лицами — все они повырывали себе глаза. Те из них, что были еще в сознании, нещадно колотили себя окровавленными кулаками, завывая в ужасе от кошмаров, явленных только им.

Кольцо металлических скелетообразных существ неумолимо сжималось вокруг разрушающейся черной каменной глыбы в центре зала, где группа тяжеловооруженных эльдарских воинов окружила своего предводителя в зеленых доспехах, того, с кем капитан Ультрамаринов сражался на эльдарском корабле над Каэрнусом IV, а также Казимира де Валтоса и темноволосую женщину.

Удостоив эту сцену лишь беглым взглядом, Ури-эль уставился на огромное существо, вылезавшее из своей каменной тюрьмы. Облаченное в ветхие одежды, оно поднималось из своей могилы, прочные вековые камни которой превращались в кружащийся черный саван.

Вскоре от саркофага осталась лишь могильная плита с последним куском металла, ярко блистающим на ее поверхности.

Уриэль с трудом различал отталкивающее лицо существа с двумя желтыми, слабо светящимися глазными впадинами. В этих глазах было безумие и яростная, неутолимая жажда. Мантия призрачной тьмы скрывала истинные формы Несущего Ночь, из этих расплывчатых очертаний торчала лишь пара гноящихся перевязанных рук. Одна из них заканчивалась длинными когтями, а другая — огромным клинком чудовищной тьмы, загнутым, как коса Смерти.

Когда существо поднялось в полный рост, капитан Вентрис увидел, что оно, возвышаясь над смертными, создает внизу кружащиеся вихри мрака, которые обвивают тела тех, кто оказался недостаточно быстрым, чтобы избежать их объятий.

Мантия тьмы подняла вверх двух эльдарских воинов. Блеснула рука-коса, легко пройдя сквозь их доспехи и тела, и их трупы рухнули наземь.

Существо проглотило еще несколько ксеносов, и остальные рассыпались в стороны. Скелетообразные фигуры с медными жезлами заняли места по сторонам от своего хозяина, их бесстрастные лица ничего не выражали.

— Де Валтос! — воскликнул Барзано. — Во имя души Императора, вы понимаете, что вы наделали?

Казимир де Валтос торжествующе завопил, когда Несущий Ночь, пропитав пространство темными энергиями, наполнил его разум самыми чудовищными и отвратительными образами. Эльдарские воины отступили от него, сделав шаг навстречу Ультрамаринам, готовые с боем расчистить себе путь из кошмара, в котором они оказались.

Но Несущий Ночь жаждал пиршества, он требовал все новых душ, и тьма вокруг него кружилась и вспенивалась, словно взбиваемая невидимыми ветрами. Низкое глухое биение наполнило залу, и металлические скелетообразные воины наконец обратили свое внимание на тех, кто вторгся в покои их хозяина.

Уриэль всем телом содрогнулся от отвращения, когда стражи усыпальницы шагнули к нему, одновременно поднимая свое странное оружие. Нырнув в сторону, он перекатился по полу и рубанул цепным мечом по ногам ближайшего стража, опрокинув его на пол. Металлические воины открыли огонь по капитану Ультрамаринов.

Поднявшись на ноги, капитан Вентрис с ужасом увидел, как сержант Венакус зашатался от невидимого удара, его доспехи, расслоившись, сошли с него, как шелуха с головки лука, а за доспехами с ужасающей быстротой начала расслаиваться живая плоть Ультрамарина. Сержант упал на колени, и Уриэль видел, как сначала обнажились, а затем слезли слоями его мускулы, пока от Венакуса не осталось ничего, кроме вжавшегося в землю белого скелета.

Другой Ультрамарин тоже умер в мучениях, когда его тело расслоилось и облезло с костей под воздействием таинственного оружия стражей усыпальницы. Тут в доспехи Уриэля вцепились когтистые руки, и, повернувшись, капитан увидел позади себя металлический скелет, который он только что опрокинул на пол. И вдруг его металлические кости начали воссоединяться прямо на глазах изумленного капитана...

Вентрис взмахнул мечом и одновременно с этим всадил болт в грудную клетку металлического скелета. Тот вновь упал, но на сей раз Уриэль разметал его почти в пыль, чтобы тот не умудрился регенерировать еще раз. А тем временем вокруг творилось что-то невообразимое.

Космические Десантники сцепились с металлическими скелетами и в большинстве случаев побеждали, опрокидывая тех наземь и разнося в клочки огнем из болтеров. Сержант Леаркус разорвал одного на части голыми руками и расколотил его череп об пол.

Но большинство из поверженных смертоносных тварей поднимались вновь, не обращая внимания на раны, которых хватило бы, чтобы убить обычного человека дважды. Барзано бился рядом с Уриэлем, направо и налево разя противников своим светящимся кинжалом. Лицо инквизитора было бледным, а движения замедлялись по мере того, как боль от старых и вновь получаемых ран становилась все сильнее.

Эльдары сражались рядом с ними, и Уриэль, повергнув очередного врага, приглядывал за ксеносами, готовый броситься на них в ту же секунду, как только будет покончено со стражами усыпальницы. Предводитель эльдаров в светло-зеленых доспехах сражался и убивал с завораживающим изяществом, его топор непрерывно вращался в головокружительном вихре спиралей смерти. С каждым его ударом падал очередной механический страж, и за каждым падением следовал скрипучий вопль из темного смерча в центре залы. Но это больше смахивало на крик изумления, нежели досады.

Эксскренты кусались и жалили и, подавляя врагов своего хозяина колоссальным численным преимуществом, опрокидывали их на землю. Чудовищное оружие стражей сдирало плоть с их уродливых тел, но они продолжали биться, не обращая внимания ни на боль, ни на отсеченные конечности, пока от них не оставались лишь жалкие содрогающиеся останки.

Уриэль сражался как никогда прежде, кромсая, стреляя и убивая с таким мастерством, о

котором он и не подозревал. Каждое его движение было отточено до совершенства. Он увертывался от убийственных выпадов и смертоносных ударов со сверхъестественной скоростью, отбивая когтистые руки и разрубая металлические черепа.

Наконец с металлическими воинами было покончено, их сверкающие конечности и тела, разнесенные на мельчайшие куски, были разбросаны по всему полу залы. Уриэль сделал болезненный вдох, его бок горел в том месте, где оружие стража вырвало кусок из его силовых доспехов и плоти. Запекшаяся кровь покрывала его тело и доспехи.

Воцарилось странное спокойствие. Космические Десантники и эльдары смотрели друг на друга. Несущий Ночь недвижно стоял рядом с плитой, которая покрывала его могилу; крестообразный кусок металла на ней все еще светился жутким огнем.

Барзано, прерывисто дыша, подошел к Уриэлю. Вентрис заметил, что рана на руке инквизитора вновь открылась и повязка пропиталась кровью.

Казимир де Валтос стоял в колышущейся тени Несущего Ночь, его лицо было искажено безумным ликованием.

Наведя указующий перст на Ультрамаринов, он закричал:

— Уничтожь их! Я повелеваю тебе!

К кому были обращены его слова — к эльдару или восставшему существу и его телохранителям, Уриэль не знал, но первыми пришли в себя эльдары. Они рванулись на Ультрамаринов, а их предводитель, высоко подняв топор, двинулся прямо к Уриэлю.

Взревев, Космические Десантники бросились навстречу врагам, и зала опять наполнилась грохотом и лязгом оружия.

Блокировав удар, Уриэль сделал шаг вперед и совершил резкий выпад, выставив вперед кулак, целясь им в шлем противника. Тот резко наклонился и всадил шипастую рукоять в живот капитану, в брешь его силовых доспехов.

Задохнувшись от боли, Уриэль ударил эфесом меча в спину Кешарку, отправив его на пол. Перебросив меч в другую руку, он повернулся и направил рокочущий клинок вниз.

Но его противника там уже не было. Вскочив на ноги, он послал свой топор в голову Уриэля. Последовала яркая вспышка пламени — это Барзано подставил под удар свой энергетический кинжал, а Уриэль, воспользовавшись тем, что его противник на мгновение отвлекся, нанес сокрушительный удар мечом в его голову.

Вовремя заметив опасность, Кешарк с хрустом вывернул шею, отведя голову в сторону.

Жужжащие зубья клинка сорвали с него шлем, измятый металл зацепил незакрепленную кожу его лица и содрал ее с головы в брызгах крови.

Кешарк завопил от боли. Пошатываясь, он сдал назад, восстанавливая равновесие, заблокировал очередной удар Барзано, отбив в сторону его клинок, и всадил свой топор в грудь инквизитора.

Топор, разрубая кости, прошел вниз через грудную клетку Барзано и вышел в фонтане крови над бедром. Барзано упал, и энергетический клинок выпал из его руки.

— Нет! — воскликнул Уриэль и занес меч над эльдаром.

Увернувшись, Кешарк поймал оружие Уриэля зазубренными крюками своего топора и выдернул цепной меч из рук капитана. Прежде чем он пошел в контратаку, Уриэль нырнул вперед, пролетел над телом Барзано и, подхватив клинок инквизитора, отразил им топор, нацеленный в его голову.

Кешарк вновь пошел на капитана Ультрамаринов. Уриэль в очередной раз отбил топор светящимся клинком. Теперь Кешарк приближался более осторожно. Кровавая маска лишенного кожи лица являла собой поистине отвратительное зрелище, было отчетливо видно каждое движение лицевых мускулов. Сплюнув сгусток темно-вишневой крови, эльдар сделал выпад, воздев топор для удара сверху вниз.

На сей раз Уриэль, вместо того чтобы отступить назад, низко нагнулся вперед, приняв удар топора на предплечье, и почувствовал, как тот пробил его доспехи. Взревев, Ультрамарин крутанулся и, ухватив эльдара за руки, врезался своим телом в чужака и рванул на себя.

Вес топора в руке Кешарка потянул своего хозяина вперед, эльдар перелетел через плечо Вентриса и рухнул на землю за его спиной. Перехватив кинжал, Уриэль изо всех сил вонзил его в нагрудную пластину Кешарка. Удар нечеловеческой силы пробил доспехи ксеноса и вошел в его сердце. Предводитель эльдаров содрогнулся, и темная кровь хлынула из его горла, а Уриэль, повернув кинжал в ране, всадил его в грудь еще раз, а затем еще и еще.

Вокруг капитана Ультрамаринов звучали вопли и боевые кличи, но Уриэль видел перед собой в центре залы лишь исступленного Казимира де Валтоса.

Вытащив кинжал из трупа Кешарка, он шагнул к человеку, пробудившему страшные силы, с которыми теперь вынуждены были сражаться Ультрамарины.

Казимир де Валтос наблюдал за кипевшей вокруг него яростной битвой с беззастенчивым наслаждением. Ему было приятно такое обилие проливающейся крови, а роящиеся в голове де Валтоса кошмары стали даже для него подлинным откровением. Разум этого человека переполняли картины резни. Всем своим существом он ощущал небывалое возбуждение, думая, что все, что он видит и чувствует, — это лишь малая частица того кровопролития, которое в состоянии устроить Несущий Ночь.

Тело того еще сформировалось не полностью, он все еще был слаб, но в то же время невероятно могуществен. Просто ли близость к этому существу наделила де Валтоса таким знанием или между ними была какая-то более глубокая связь — де Валтос не знал, да он и не думал об этом. Возможно, восставшее из ада существо признало в этом человеке родственную душу. Несущий Ночь определенно не проявлял к де Валтосу смертоносной враждебности, как, например, к эльдарам в первые мгновения после своего пробуждения.

Женщина-эльдар стояла рядом с де Валтосом. Он ощущал волны исходящего от нее страха, и было так чудесно упиваться этим чувством. Женщина упала на колени, ее кожа покрывалась волдырями и трескалась по мере того, как из ее тела высасывалась жизненная сила. Она смогла вскрикнуть лишь раз, пока Несущий Ночь не поглотил последние крупички ее естества. Было ли это началом его превращения в бессмертного, думал де Валтос. Было ли это первой из его новых возможностей, которые он скоро проявит?

Творящееся вокруг насилие было поистине одурманивающим. Казимир де Валтос ощущал, как помноженные друг на друга ненависть и агрессия противников наполняют его своим светом, с каждым новым криком, с каждой новой каплей пролитой крови делая де Валтоса все сильнее. Так приятно пировать, наслаждаясь этим, а не холодными, безвкусными энергиями, которые поддерживали его тело эти миллионы лет!

Казимир де Валтос прищурился в замешательстве. Миллионы лет? Откуда пришла эта мысль? Внезапно он осознал, что эмоции, потоком текущие сквозь него, этот страх, этот гнев, этот ужас — все это не его собственные чувства. В нем вспыхнул гнев, когда он понял, что является всего лишь проводником чувств, которые это существо позабыло за ту вечность, что провело в уединении.

Словно прочитав его мысли, Несущий Ночь медленно повернулся к нему, и желтые впадины его глаз прожгли душу де Валтоса, добираясь до сути того, что делало его человеком.

Но Казимир де Валтос был полон решимости стать бессмертным богом, и все его мысли сейчас были лишь об этом. Сейчас, когда существо из бесконечно далекого прошлого окутало его своим мраком.

— Сделай меня таким, как ты! Я освободил тебя. Я требую бессмертия — это мое право! — вопил де Валтос, пока Несущий Ночь опускал на него тяжелый взгляд.

Он почувствовал, как этот взгляд затягивает его, и пустота этих глаз была ужаснее всего, что он мог себе вообразить. Перед мысленным взором де Валтоса в считанные доли секунды пронесся и расцвет расы этого чужака, и то, что они сотворили, и те несчастья и страдания, в которые они погрузили галактику, и то мгновение, которым было на фоне истории галактики существование человечества.

Де Валтос рухнул на колени, когда вся ничтожность его жизни затрепетала перед неопишуемой безбрежностью разума этого чуждого существа. Последние хрупкие нити рассудка де Валтоса были раздавлены тяжестью столь глубокого самопознания. Это существо приручало звезды и

уничтожало целые цивилизации, когда человеческая раса еще только зарождалась. Зачем он нужен ему?

— Пожалуйста, — продолжают умолять он, — я хочу жить вечно!..

Несущий Ночь сомкнул свою когтистую лапу на голове де Валтоса, его огромный черный кулак полностью вместил в себя человеческий череп. Казимир взвизгнул от ужаса при этом прикосновении, и его плоть поползла с костей, когда Несущий Ночь принялся всасывать в себя его жизненную энергию.

Черная коса рубанула по шее де Валтоса.

Он пережил краткое мгновение абсолютного ужаса, когда почувствовал свою собственную смерть, ощутил свой собственный ужас и боль как крошечный кусочек, почти недостойный того, чтобы быть поглощенным этим чудовищем. И все же этот ужас возник именно ради той смерти, которая его и породила.

Голова де Валтоса отделилась от тела.

Несущий Ночь медленно разжал свою лапу, и изуродованное тело де Валтоса с глухим стуком упало на пол. Медленно, обдуманно Несущий Ночь перевел свой взгляд на блестящий кусок металла в центре своей прежней гробницы и провел по нему жуткими, корявыми пальцами.

И в этот миг где-то в варпе серповидный звездный корабль, вызванный своим восставшим от сна хозяином, начал медленно выходить из нематериального пространства, в котором пребывал последние шестьдесят миллионов лет.

Уриэль бесстрастно наблюдал, как чуждое существо убило де Валтоса. Он ничего не почувствовал при смерти своего врага — ставки были теперь значительно выше, чем личная месть. Он должен каким-то образом уничтожить это существо или изгнать его. По крайней мере выстоять в схватке с ним.

Скелетоподобные стражи вновь выступили наперерез Уриэлю, но Ультрамарин оказался не одинок. Пазаниус, Леаркус и Дардино присоединились к нему в его броске на чужака. Из жезлов первых двух стражей вырвались потрескивающие зеленые лучи энергии. Уриэль блокировал первый луч энергетическим кинжалом и увернулся от второго. Пазаниус обстрелял одну из наступавших на Ультрамаринов тварей из болтера, откалывая от его тела куски. Леаркус тем временем всадил в живот адскому чудовищу цепной меч. Но взмах жезла сбил обоих сержантов с ног, обьяв их тела зеленым огнем.

Дардино разрубил ноги одного стража энергетическим мечом, а Уриэль прыгнул на второго ногами вперед. Он попал в цель, но его мощный удар был похож на удар голым кулаком в прочную стальную стену. Страж лишь слегка качнулся, но не упал И сделал выпад, выставив вперед медный жезл. Уриэль едва успел отбить его кинжалом, но удар чужака оказался

настолько силен, что отдался жгучей болью во всей руке Ультрамарина. Вскочив на ноги, Уриэль всадил энергетический кинжал в пах стражу, рубанув вверх и влево. Тот упал — нога была отрублена у бедра, а Уриэль резко ушел вниз от стремительного удара другого бесстрастного воина.

Поднявшись, Пазаниус стрелял по оставшимся стражам и сбил одного с ног — тот в граде осколков повалился на пол. Последний страж сделал шаг назад, но меч Леаркуса угодил ему в голову. Вперед вытянулась когтистая лапа существа и сбила Леаркуса с ног одним ударом. Сержант, застонав, попытался подняться.

Уриэль, Пазаниус и Дардино оказались перед устрашающей фигурой Несущего Ночь с оружием наготове. Все они ощущали накатывающие на них волны ужаса, но стойко держась перед лицом врага.

Уриэль не чувствовал ничего, кроме презрения к этому огромному монстру, вокруг которого вздымался мрак его призрачной мантии. Пара лужиц тусклого желтого цвета пульсировала во тьме там, где могла быть его голова.

Воющей черной молнией рванулась вперед из-под мантии его рука-коса — так быстро, что движение это было не заметно для глаза. Сержант Дардино хмыкнул, больше от удивления, чем от боли, когда верхняя часть его туловища соскользнула с бедер, а ноги осели на пол в лужу крови.

Пазаниус открыл по чудовищу огонь, снаряды его болтера прострочили сверкающую дорожку в кружащейся ночи вокруг фигуры чужака. Глухой смех эхом покотился по зале — болты прошли сквозь обволакивающую чужака тьму, не причинив Несущему Ночь вреда. Вновь мелькнула коса, и болтер Пазаниуса оказался рассечен на две совершенно равные половинки. Следующий удар отсек сержанту правую руку пониже локтя.

Уриэль воспользовался этим мгновением, чтобы приблизиться к чужаку, и вонзил во тьму энергетический кинжал. Он вскрикнул, когда ледящий холод объял его руку.

Жуткие когти твари прошли по низкой дуге, пробив грудь Уриэля и задев легкое. Уриэль Вентрис отшатнулся назад, повалившись спиной на могильную плиту, и на доспехах Космического Десантника появилось изображение узкого креста со сплюснутой вершиной, выжженное сверкающим металлом. Уриэля раздирала боль, терзая каждый нерв его тела. Он застонал, пытаясь подняться на ноги, и увидел, как Несущий Ночь принялся крошить его людей.

Умиравший инквизитор Барзано смотрел, как Уриэль и его боевые братья противостоят силе Несущего Ночь, несмотря на абсолютную невозможность победы. Жизнь инквизитора угасала, но он, собрав последние силы, полз к плите. Барзано ощущал мощные потоки энергии, бурлящие в зале, его мысленному зрению открывались кошмарные видения, порождаемые близостью Несущего Ночь, и что-то еще...

...Беззвучный пронзительный крик, изумляющий чистотой своей цели, посланный в глубины варпа, призывающий утраченный корабль.

Этот зов был настолько мощным, что Барзано чуть ли не воочию различал расходящиеся волны силы, излучаемой оттуда, где некогда стояла могила К'тана. Или, если точнее, из сверкающего металлического талисмана, погруженного в плиту.

Арио Барзано почти терял сознание, но все же пытался ползти по полу. Он бессильно застонал, увидев, как упал Пазаниус и длинные когти Несущего Ночь легко пробili доспехи Уриэля.

Инквизитор почувствовал, как стремительно жизнь покидает его, и отчаянно цеплялся за нее. Там, где жизнь, — там есть место надежде. Он увидел, как Уриэль поднимается с могильной плиты, и понял, что у него еще осталась одна, последняя, возможность.

Уриэль зарычал от ярости, видя, как Несущий Ночь без всяких усилий безжалостно убивает его людей. Понимая, что у них нет никаких шансов одолеть это невероятное существо, Ультрамарины тем не менее мужественно продолжали противостоять ему, отказываясь сдаваться.

Жуткий рев, подобный грохоту рушащейся скалы, эхом прокатился по зале; и, вздрогнув, Уриэль понял, что тварь издевается над ними, она не намерена убивать их, во всяком случае, быстро.

Огненная ярость словно подлила масла в огонь его решимости, и капитан Ультрамаринов поднялся на ноги, рыча от гнева и боли. Подобрал выпавший из его рук кинжал, он захромал было вперед, но тут же застыл на месте, почувствовав внезапный и мощный призыв. На мгновение он подумал, что это опять адское вмешательство Несущего Ночь. Но затем он уловил в этих мыслях что-то дружеское, знакомое.

Повернувшись, Уриэль увидел, что на него смотрит инквизитор Барзано, с лица которого ручейками стекал кровавый пот, а вены на шее вздулись, как стальные тросы.

Металл, Уриэль, металл! Металл...

Эта мысль исчезла почти сразу же, как только появилась в его голове, но Уриэль понял, что инквизитор отдал всего себя, чтобы только быть услышанным, и он не позволит, чтобы жертва Арио Барзано была напрасной.

Уриэль Вентрис упал на колени возле плиты, сияние металла было просто ослепительным. Он чувствовал его жар сквозь перчатки своих доспехов. Что же делать? Что делать? Стрелять в него, колоть? Крики боли и ярости подсказали капитану решение.

Уриэль из последних сил всадил энергетический кинжал между камнем плиты и сияющим металлом. Ощувив изменение в потоках энергии, наполняющих залу, он поднял взгляд и увидел огромную фигуру чужака, нависшую над Ультрамаринами: двое боевых братьев были насажены на его когти.

Вентрис налег на инкрустированную рукоять кинжала, ощущая, как гнется клинок. Ультрамарину не хватало силы, чтобы извлечь металл из плиты.

Несущий Ночь отшвырнул Космических Десантников в сторону и повернулся, свирепо сверкнув глазами в окружающую его мглу. Уриэль ощутил его бешенство и гнев: неужели какой-то выскочка — его добыча — посмел вмешаться в его дела?

Разум Несущего Ночь прикоснулся к мозгу Космодесантника с яростью, от которой некогда гасли звезды, и Уриэль впустил ее, почувствовав, как чудовищное неистовство Несущего Ночь пронзает все его тело, ощущая, как эта ярость придает ему силы.

Ненависть Уриэля к этому существу слилась с его яростью, и он использовал возникшую вследствие этого силу, употребив ее всю, чтобы извлечь металлический крест из плиты.

Крест зазвенел по полу усыпальницы, и Несущий Ночь зарычал в невыразимом бешенстве, когда была прервана связь с его убивающим звезды кораблем. Этот корабль вновь был отброшен в призрачные, нематериальные глубины варпа. Схватив блистающий металл, Уриэль отполз назад. Он вцепился в свой гранатный раздатчик, в то время как Пазаниус прыгнул на Несущего Ночь.

Небрежное движение лапы с кошмарными когтями-и Пазаниус растянулся на полу, но атака сержанта-ветерана дала Уриэлю тот шанс, в котором он так нуждался. Когда Несущий Ночь ринулся к нему, Уриэль поднял вверх сияющий крест с прикрепленной к нему гранатой.

Уриэль сомневался, что Несущий Ночь имел какое-нибудь представление о том, что такое мелта-граната, но он поймет, что эта граната способна сделать.

Существо поднялось во весь свой рост, широко растопырив чудовищные лапы, его желтые глаза уставились на Уриэля.

Уриэль расхохотался в лицо монстру, ощущая, как кошмарная сила чужака давит на его череп. Видения смерти бурлили в его сознании, но это не ужасало воина Императора. Он почувствовал, что существо оцепенело. Значит, одержать над ним победу было в силах Ультрамаринов.

Вокруг тела кошмарного существа вновь закружилась тьма, но Уриэль безжалостно протянул свободную руку к руне взрывателя. Несмотря на боль и мучительные видения, он улыбался.

— Ты быстрый, — прошептал Уриэль, — но не настолько-Несущий Ночь навис над капитаном Ультрамаринов, сгибая когтистые пальцы в такт рокочущему биению своего сердца. Уриэль ощущал, как сила и ярость монстра физически сжимаются вокруг него, но он также почувствовал и кое-что еще.

Тревогу? Сомнение?

Та связь, которую установил между ними Несущий Ночь, дала Уриэлю возможность немного — самую малость — понять это совершенно чуждое существо, и он внезапно осознал, что, несмотря на ту бойню, которую оно устроило, это была лишь ничтожная часть его подлинного могущества. Оно все еще было очень слабым и нуждалось в питании. Капитан понял, что каждая проходящая секунда вливала в тело Несущего Ночь свежие силы, а силы он черпал в жизненной энергии, которой изобиловало это место.

У него есть возможность одолеть чужака. Он понял это и спокойным голосом произнес:

— Это место наполнено взрывоопасными газами, и, если я взорву это устройство, ты окажешься похороненным под десятикилометровой толщей камня. Я не знаю ни кто ты, ни откуда пришел, но одно я знаю точно: ты еще недостаточно силен, чтобы пережить это. Ты можешь представить себе еще шестьдесят миллионов Лет в ловушке под поверхностью этого мира, без ничего, что поддерживало бы тебя? Ты будешь уничтожен. Ты этого хочешь? Если ты можешь проникать в разум людей, знай это. Я уничтожу нас всех, прежде чем позволю тебе заполнить корабль.

Давление на разум Уриэля усилилось, и он ослабил мысленный барьер, позволяя твари увидеть свою непоколебимую решимость. Когти чудовища скребли воздух, тьма вращалась вокруг смутно угадываемого тела, а ярость его сотрясала залу. Стены покрылись трещинами, сквозь которые сыпался красный песок Павониса.

Уриэль смотрел, как покров тьмы вихрем закрутился вокруг тела Несущего Ночь, взметнувшись вверх и над ним, словно темный кокон, собирая по зале и втягивая в свою свирепую орбиту вдребезги разбитые останки его стражей.

В последний раз Уриэль увидел Несущего Ночь, и желтые глаза поглотила расползающаяся тьма его призрачного савана. Зала наполнилась чудовищным шипением, черный вихрь рванулся вверх, ударив в золотую верхушку потолка и расколотив ее на тысячу кусков.

Затем он исчез.

Уриэль опустил руку, его разум был ясен, как погожий летний день, — гнетущая тяжесть чудовищного разума Несущего Ночь исчезла. Ультрамарин улыбнулся, хотя видеть искромсанные тела своих боевых братьев ему было совсем не весело, но первозданная чистота и прозрачность его разума, освобожденного от кошмарных видений, была столь прекрасна, что светлая улыбка невольно озарила лицо Ультрамарина.

Уриэль Вентрис опустил крест, поверхность которого теперь была холодной и безжизненной, и пополз к Арио Барзано, который неподвижно лежал в большой луже крови. Встав на колени перед инквизитором, Уриэль взял его за руку в поисках пульса и чуть не засмеялся от облегчения, почувствовав его слабое биение.

— Приведите аптекаря Селенуса!

Веки Барзано затрепетали, глаза открылись, и он улыбнулся — его обостренные чувства также были свободны от видений Несущего Ночь.

— Он исчез? — сквозь раздирающие его легкие кашель спросил инквизитор.

Уриэль кивнул:

— Да, он исчез. Ты удерживал его столько, сколько нужно.

— Нет, Уриэль, я лишь указал способ. Ты одержал над ним победу. — Барзано содрогнулся — жизнь покидала его тело. — Вы здорово все сделали, я горжусь всеми вами. Вы...

Инквизитор зашелся в новом приступе кашля, и его тело содрогнулось, кровь брызнула из раны с новой силой.

— Аптекарий! — вновь крикнул Уриэль.

— Губернатор... — выдохнул Барзано сквозь стиснутые зубы. — Присмотри за ней, она доверяет тебе. Она послушает тебя... Другие тоже... Ей понадобятся твои советы и поддержка. Сделаешь это для меня, Уриэль?

— Ты же знаешь, я все сделаю, Арио.

Инквизитор Барзано кивнул, медленно закрыл глаза и умер на руках Уриэля.

Забрав с собой тела павших боевых братьев, Ультрамарины покинули усыпальницу Несущего Ночь. Кроме них единственным выжившим в этой бойне был Вендаре Талун, вовремя потерявший сознание. Только это спасло его от безумия, в которое повергли бы его видения Несущего Ночь. Уриэль лично отконвоировал предателя к подъемнику. Но сила, в общем, и не понадобилась — Талун был совершенно разбит. Как это ни раздражало Космического Десантника, ему пришлось протянуть предателю респиратор, чтобы тот не отдал концы, наглотавшись газов и избежав таким образом справедливого наказания за свои гнусные деяния.

Вместе с павшими смертью храбрых Десантниками Уриэль забрал также и крест, который

выдрал из могильной плиты. Его мерцающая поверхность была все такой же безукоризненной, несмотря на то что Уриэль приложил все силы, чтобы отодрать его от крышки саркофага. Этот кусок металла отправится на Макрэйдж, чтобы быть навсегда захороненным в глубочайшем склепе высоко в горах.

Когда люди Уриэля собрались в вагоне подъёмника, капитан Ультрамаринов передал Талуна на попечение бледного Пазаниуса и приказал:

— Ждите.

Сам же поплелся обратно в усыпальницу, по дороге вспоминая лица тех, кого потерял в этой битве. Потери оказались велики, но Уриэль знал, что все эти жертвы были не напрасны. Стоя в одиночестве в усыпальнице чужака, он смотрел, как сыпется в залу песок Павониса, понимая, что скоро эта комната будет захоронена вновь. Но Уриэлю было нужно большее.

Встав на колени, он положил связку мелта-гранат на плиту, из которой вытащил крест, и установил таймеры.

Как он и обещал Несущему Ночь, это нечестивое место будет навсегда похоронено под десятью километрами скальной породы.

Повернувшись, Уриэль устало зашагал прочь из усыпальницы.

Вендаре Талун был казнен через три месяца после битвы в Тембра Ридж. На открытом процессе он признался в заговоре с Казимиром де Валтосом, убийстве своего брата и куче других ужасных преступлений, совершенных в то время, когда он был главой картеля Талун. Его, рыдающего и грязного, вывели на разбитую площадь Освобождения, где и повесили на вытянутой руке статуи Императора.

Но все это было потом, а до этого состоялось еще несколько сражений, прежде чем на Павонисе было окончательно восстановлено Имперское правление, большинство стычек — между рассорившимися подразделениями ПСС, приверженность которых картелям превзошла чувство преданности делу, за которое они, по идее, и должны были бороться. Лишенные своих предводителей, сторонники картелей вскоре вернулись к присущим им предрассудкам и подозрениям.

Когда смерти Соланы Верген, Тарина Хонана, Казимира де Валтоса и Бошампа Аброгаса стали достоянием общественности, картели были ввергнуты в смятение и парализованы.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/672432>